

Изъ Записокъ Ивана Гавриловича Поливанова ¹⁾).

Опредѣленъ я былъ въ Октябрѣ (1828) въ прежнюю 18 бригаду, но уже не въ 3-ю, а во 2-ю легкую роту... Отправился въ Болградъ. Городъ этотъ, нынѣ уступленный Молдавскому правительству, находился неподалеку отъ нашей границы. Онъ населенъ, какъ и Болгарскія колоніи, вышедшими въ разное время изъ Турціи Болгарами; въ немъ было главное управленіе этихъ колоній, коими завѣдывалъ полковникъ Мердеръ. Человѣкъ былъ онъ гостепріимный для всѣхъ офицеровъ, находившихся и проѣзжавшихъ Болградъ, почему нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ, съ коими я сошелся, бывали у него, отрекомендовали меня, и я былъ также приглашенъ на обѣдъ на все время пребыванія въ Болградѣ. У Мердера, человѣка женатаго, бывали иногда и танцы. Между кавалерами случались иногда танцоры въ личныхъ, очень некрасивыхъ на видъ сапогахъ, такъ какъ возвратившіяся на зимовку команды изъ Турціи были порядочно пообношены, а возобновить свои костюмы не имѣли еще времени и даже способовъ по недостатку мастеровыхъ. Прогостивъ въ Болградѣ около недѣли, отправился я въ Базарджикъ. По дорогѣ учреждены были станціи по примѣру Великороссійскихъ. Ямщики по большей части были бѣглецы, а какъ у нихъ не спрашивали паспортовъ, то вѣроятно между ними были и преступники. На это не обращали вниманія. Охотниковъ къ такому промыслу было немного по причинѣ неудобныхъ помѣщеній за Дунаемъ и безпрестанной гоньбы. На нѣкоторыхъ станціяхъ лошади едва передвигали ноги. Приближаясь къ Дунаю, ѣхалъ я по той гати, которую въ Апрѣлѣ прошлаго 1828 года, по приказанію генерала Дибича, нагнали окрестные жители и на которой онъ грозился повѣсить исправника, если тотъ въ опредѣленное время не окончитъ этой работы. Во время моего проѣзда она была порядочно избита, однако хворостъ еще не сгнилъ, почему мы и добрались до Дуная. Увидѣвъ эту историческую рѣку, которая съ нашего берега уже прошла, а съ противоположнаго Турецкаго покрыта была льдомъ, я мысленно простился съ Россіей и помѣстился на лодку вмѣстѣ съ Александромъ Ермолаевымъ ²⁾, двумя небольшими чемоданами и вьючнымъ сѣдломъ. Время было тихое; мы скоро переѣхали открытое пространство, а потомъ пошли по льду; вещи наши частію понесли сами, частію помогли солдаты изъ командъ, стоявшей на перевозѣ, и вотъ мы перешли въ Турцію. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега находилась Турецкая крѣпостца Исакача, взятая у Турокъ. Въ ней находилась почтовая стан-

¹⁾ Печатается съ рукописи, сообщенной въ Русскій Архивъ сыномъ автора Львомъ Ивановичемъ Поливановымъ. П. Б.

²⁾ Крѣпостной слуга автора. П. Б.

ція. Вошедъ въ нее, первое, что я замѣтилъ, былъ гробъ, напутствуемый полковымъ священникомъ, который несли солдаты. Покойникъ принадлежалъ также къ ихъ классу и умеръ, по обыкновению, въ госпиталѣ. Отправившись далѣе, доѣхалъ я до слѣдующей станціи, которая находилась въ землянкѣ, окруженной лѣсомъ. Пока перепрягали лошадей, я вошелъ въ землянку; около нея были нары, на коихъ лежали и сидѣли ямщики. Лица ихъ блѣдныя, исхудалыя предполагали изнуреніе всего ихъ состава. Нестерпимое зловоніе заставило меня опять выйти на свѣжій воздухъ, гдѣ было свѣжо. но не холодно; тогда былъ Февраль въ исходѣ. Наконецъ потащились мы шагомъ, дѣлая не болѣе 5 верстъ въ часъ. Къ вечеру, когда смерклось уже, вѣхали въ городъ Бабадагъ и остановились у станціи; подорожную слѣдовало показать коменданту и самому явиться, почему въ сопровожденіи солдата пошелъ я къ нему и спѣша, не смотрѣлъ подъ ноги; темнота препятствовала различать даже близкіе предметы; провожатый внезапно схватилъ меня за руку и, остановивъ, указалъ впереди на что-то темное. На вопросъ мой: что это такое? Ваше благородіе, колодезь, отвѣчалъ онъ. Неужели онъ не обнесенъ ничѣмъ? возразилъ я. Точно такъ, отвѣчалъ онъ. Здѣсь ихъ много, да многіе изъ нашего брата туда попадаютъ и бьются тамъ, пока ихъ утромъ не вытащатъ. Исполнивъ это необходимое дѣло, возвратился я на станцію часовъ въ 9 вечера. Рано утромъ отправились далѣе и чрезъ станцію приблизились къ крѣпости Кюстенджи, находящейся на берегу Чернаго моря. Она построена на возвышеніи; около нея крутой обрывъ къ самому морю. Видъ окрестностей пустынный. Въ морѣ же съ крутаго берега очень далеко видѣлось нѣсколько кораблей. Здѣсь прожилъ я болѣе двухъ сутокъ за неимѣніемъ лошадей; наконецъ отправился вдоль морскаго берега. Дорога пролежала у самаго моря, такъ что отъ прибои воды иногда долетали брызги; къ вечеру пріѣхалъ въ мѣстечко Мангалию, также находящееся близъ самаго моря. Тутъ комендантъ былъ мнѣ человѣкъ знакомый по прежней службѣ, майоръ Вендорфъ. При свиданіи онъ удивился, что я рѣшился поступить снова въ службу въ такое тяжелое время; пожелавъ мнѣ благополучнаго пути, отпустилъ, и я въ тоже время отправился въ мѣстечко Коварну. Прибывъ туда, дождался присланныхъ изъ Базарджика артиллерійскихъ лошадей за провіантомъ, который доставлялся изъ Одессы и складывался въ семь приморскомъ мѣстѣ. Фейерверкеръ, присланный съ лошадьми и повозками, узнавъ меня, вызвался доставить въ бригаду. Мы отправились съ командой шагомъ; ночевать пріѣхали въ какую-то полуразрушенную Турецкую деревню; развели на очагъ огонь и пролежали предъ нимъ до утра. Лошади были страшно худы; они питались прошлогодней соломой, полусгнившей на поляхъ, которыхъ хозяева бѣжали до жатвы и оставили такимъ образомъ подъ зиму. Наконецъ подѣхали къ Базарджику, гдѣ устроенъ былъ карантинъ. Въ Молдавіи въ госпиталѣхъ открылась заразительная болѣзнь, похожая на чуму, почему и приходилось всѣмъ пріѣзжимъ выдерживать карантинный срокъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ посѣтилъ меня бригадный адъютантъ Аристовъ, съ которымъ прежде я былъ коротко знакомъ и взялся хлопотать приказъ отъ начальника выпустить меня изъ карантина, такъ какъ я не пробѣжалъ зараженными мѣстами. Вскорѣ получилъ я право оставить карантинъ и явился къ прежнимъ своимъ товари-

щамъ, которые меня узнали, то есть приняли подружески, предложили квартиру общую въ одной большой комнатѣ, довольно сухой и теплой. Много подробностей узналъ я отъ нихъ, какъ частныхъ, касающихся отдѣльныхъ личностей, такъ и общихъ о прошлогодней кампаніи. Бригада наша находилась въ 7 корпусѣ при 18-й пѣхотной дивизіи, которая перешла Турецкую границу въ началѣ Мая 1828 года и подступила къ Турецкой крѣпости Браилову. Во время правильной осады она дѣйствовала на батареяхъ около трехъ недѣль. Когда траншеи подошли къ самому гласису крѣпости и подведены были мины подъ крѣпостной валъ, пришло повелѣніе изъ главной квартиры, въ коей находился самъ императоръ Николай I-й, штурмовать Браиловъ.

По разсказамъ очевидцевъ, инженеры не дошли еще до того мѣста, гдѣ должно было остановиться и зарядить мину для правильнаго взрыва части крѣпостнаго вала, такъ чтобы земля засыпала ровъ и образовала проходъ въ крѣпость. Слѣдовало еще производить подземную работу дня два или три. Начальникъ Браиловскаго осаднаго корпуса, великій князь Михайлъ Павловичъ, по предложенію главнаго инженера, управлявшаго подземными работами, приказалъ усилить зарядъ мины, полагая, что сила взрыва замѣнитъ недоконченную работу. Между тѣмъ солдатамъ усилена была мясная порція за нѣсколько дней до штурма. Наконецъ наступилъ этотъ день. Всѣ полки 18-й дивизіи и легкія батареи 18-й бригады двинулись къ крѣпостному рву въ колоннахъ. Впереди находился Казанскій пѣхотный полкъ. Это было на разсвѣтѣ. Когда Турки замѣтили движеніе, открыли сильный пушечный и ружейный огонь. Казанскій полкъ, храбро выдержавъ его, дошелъ до крѣпостнаго рва. Предъ этимъ взорвана была мина, но неудачно: вмѣсто того, чтобы засыпать ровъ, на мѣстѣ взрыва образовался глубокій обрывъ, такъ что не только невозможно было расчистить эту дорогу для артиллеріи (какъ предполагалось), но и подступить не было возможности. Казанскій полкъ былъ подъ вѣрными непріятельскими выстрѣлами, но не отступилъ, а спустился въ крѣпостной ровъ, надѣясь взойти на валъ. Однакоже это оказалось невозможнымъ, потому что эскарпъ былъ одѣтъ камнями, скрѣпленными желѣзомъ. Напрасно, перебѣгая изъ мѣста въ мѣсто, офицеры и солдаты пытались преодолѣть затрудненіе. Невозможное осталось таковымъ, и несчастный этотъ полкъ принужденъ былъ выйти обратно изъ рва подъ сильнымъ огнемъ непріятельскимъ. Резервные колонны другихъ полковъ, видя невозможность одолѣть препятствія и не желая терять напрасно людей, отступили на ружейный выстрѣлъ, въ ожиданіи, чѣмъ кончится попытка; артиллерія же, не снимаясь съ передковъ, оставалась подъ ружейнымъ и пушечнымъ непріятельскимъ огнемъ все время штурма, потому что не получала никакихъ приказаній. Наконецъ ударили отбой, когда Казанскій полкъ или его остатки вышли изъ рва, предводимые немногими офицерами, потому что полковой и батальонные командиры были переранены. Онъ прошелъ мимо великаго князя, который былъ въ сильномъ волненіи. Такъ кончился этотъ штурмъ, къ которому готовились торжественно, пренебрегши предложеніемъ стараго генералъ-лейтенанта Иванова, который на военномъ совѣтѣ высказалъ необходимость заставить штурмовыми лѣстницами и фашинами. Говорять, что были уже изготовлены кресты за взятіе Браилова, но остались безъ упо-

требленія. На другой день крѣпость эта сдалась на капитуляцію ³⁾. Тогда 7-й корпусъ направился къ Шумлѣ, неприступной крѣпости, лежащей въ ущелии Балканскихъ горъ, на сѣверной сторонѣ оныхъ. Главная квартира, гвардія съ прочими частями войскъ, приближались къ крѣпости Варня и обложили ее съ суши, а съ моря пришелъ Черноморскій флотъ и также блокировалъ.

Гусейнъ-паша, начальствовавшій въ Шумлѣ, усмотрѣвъ число войскъ нашихъ, подступавшихъ къ сей крѣпости (тогда какъ въ Шумлѣ не было и десяти тысячъ Турокъ), полагалъ, что на другой день начнется штурмъ и въ послѣдствіи высказалъ, что не надѣялся отстоять Шумлу съ столь малочисленнымъ гарнизономъ. Однакоже, по приказанію высшаго начальства, крѣпость не штурмовали: трудно было на это рѣшиться, обозрѣвъ ея неприступное положеніе. Ущеліе, вдавшаеся въ Балканскій хребетъ, было окопано глубокимъ ровомъ, за коимъ стоялъ огромный лагерь. Съ обѣихъ сторонъ ущелія почти отвѣсныя скалы покрыты батареями сверху до низу, такъ что подступающій долженъ подвергнуться перекрестнымъ выстрѣламъ нѣсколькихъ сотъ крѣпостныхъ орудій, прежде чѣмъ подойдетъ корву. За симъ слѣдовало бы чрезъ глубокій ровъ взойти на валъ и взять штурмомъ крѣпость, находящуюся въ самомъ ущеліи, но и тогда батареи обстрѣливали бы штурмующихъ, до тѣхъ поръ пока не взяли бы каждую изъ нихъ. Такой подвигъ былъ немислимъ; но для защиты Шумлы потребно не менѣе 40 тыс. гарнизона, а было всего 10. Потому-то Гусейнъ-паша и не надѣялся отстоять ее. Чрезъ нѣсколько дней число Турецкихъ войскъ въ Шумлѣ увеличилось до 40 тысячъ. Тогда по ночамъ они стали дѣлать вылазки, угрожая нашимъ редутамъ, которыми Шумла была охвачена съ сѣверной и западной стороны. Мѣсто это открытое, но съ юго-восточной и южной стороны находятся горныя ущелія, поросшія густымъ лѣсомъ. Пролегающія по нимъ тропинки, вполне знакомыя Туркамъ, служили для нихъ сообщеніемъ съ окрестными жителями Балканскихъ горъ. Чтобы по возможности пресѣчь это, посылались разѣзды, иногда командировалась и пѣхота. Предпринята была наковецъ экспедиція, состоявшая изъ цѣлой дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Иванова съ цѣлю, обойдя Шумлу, утвердиться на южной ея сторонѣ. Движеніе это исполнено было довольно удачно; Турецкій отрядъ, оберегавшій Шумлу съ южной стороны, числомъ около 7-ми тысячъ, былъ внезапно атакованъ и отброшенъ назадъ. Это ободрило командира; онъ придвинулся къ Шумлѣ, но увидѣвъ, что удержаться на этомъ мѣстѣ не было возможности. Турки, въ значительныхъ силахъ вышедшіе, направились на перерѣзъ къ дорогѣ, по которой прошелъ нашъ отрядъ. Медлить было нечего, потому что дорога эта пролегла чрезъ дремучій лѣсъ. Началось поспѣшное отступленіе. Въ лѣсу Турки, засѣвъ по обѣимъ сторонамъ дороги, производили сильную ружейную стрѣльбу, чѣмъ нанесли большой уронъ. Въ числѣ убитыхъ находился и генералъ-лейтенантъ Ивановъ. Тѣмъ кончилась эта неудачная экспедиція.

Цѣлое лѣто, до самой осени, войска наши подъ Шумлою оставались въ редутахъ. Умершихъ отъ болѣзней было гораздо болѣе, чѣмъ убитыхъ. Главный госпиталь находился въ Базарджикѣ, куда от-

³⁾ Гарнизонъ выговорилъ себѣ право свободного выхода съ своими пожитками.

правлялись трудно-больные изъ подъ Шумлы и изъ подъ Варны. Число погребенныхъ въ этомъ городѣ Русскихъ воиновъ въ продолженіи лѣта 1828 года считается до 10 тысячъ. Между тѣмъ главныя силы наши были сосредоточены подъ Варной, гдѣ находилась главная квартира и самъ императоръ Николай I-й. Осада этой крѣпости была кровопролитна. Турки защищались отчаянно. Подробныхъ извѣстій объ осадѣ этой я не имѣлъ, потому что бригада наша и всѣ офицеры, съ какими я былъ коротко знакомъ и сходилъ, находились въ 1828 году подъ Шумлой. Обстоятельства, которыя были имъ знакомы, состояли лишь въ томъ, что въ срединѣ этой осады со стороны Турокъ послано было къ Варнѣ подкрѣпленіе изъ-за рѣчки Камчика, находящейся къ югу отъ Варны, верстахъ въ 20-ти, подъ начальствомъ Турецкаго паши Омеръ-Вріоне. Корпусъ этотъ состоялъ слишкомъ изъ 20-ти тысячъ и имѣлъ намѣреніе проникнуть въ Варну. Наши передовыя войска дали знать объ его появленіи. Вслѣдъ за этимъ посланъ былъ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ для обозначенія числа непріятелей. Командиръ этого полка, родомъ Полякъ, повелъ его безъ надлежащей осторожности, не имѣя впереди цѣпи и, дошедъ до лѣса, расположился отдыхать. Солдаты составили ружья въ козлы, офицеры сошлись въ нѣсколько кружковъ. Между тѣмъ Турки, наблюдавшіе тайно изъ-за опушки лѣса, который былъ мѣстами рѣдокъ, дали знать своему начальнику объ оплошности нашихъ егеровъ. Тотъ, не медля, послалъ въ обходъ значительныя силы, которыя окружили неосторожныхъ и бросились на нихъ съ такою стремительностію, что нѣкоторые не успѣли даже взяться за ружья. Тогда произошла совершенная рѣзня; многіе офицеры пали. Солдаты, коимъ командиръ далъ первый примѣръ, бросились бѣжать въ разсыпную. Немногіе избавились отъ смерти, въ томъ числѣ и самъ начальникъ, который былъ на доброй лошади ⁴⁾. Вслѣдъ за этой экспедиціей посланъ былъ принцъ Евгений Виртембергскій съ 5000 отрядомъ, состоявшимъ изъ полковъ 17-й дивизіи съ принадлежащею къ ней легкой артиллеріей, съ цѣлью отбросить корпусъ Омера-Вріоне за рѣку Камчикъ. Приближаясь къ занимаемому Турками укрѣпленному лагерю, храбрый этотъ генераль, не смотря на многочисленность непріятеля, приказалъ атаковать Турокъ. Пѣхотные полки 17-й дивизіи, въ числѣ которыхъ были Азовскій, Украинскій и Днѣпровскій, исполнили это приказаніе съ точностію. Передовыя колонны Турокъ были совершенно разбиты, не смотря на отчаянную ихъ храбрость. Но Омеръ-Вріоне подошелъ съ свѣжими силами, вдвое превосходившими число нашихъ войскъ, угрожая обойти. Тогда данъ былъ приказъ отступить, что исполнено въ порядкѣ. Многіе офицеры, и между ними генераль Дурново, были убиты. Надъ ними въ послѣдствіи поставленъ памятникъ, гдѣ прописаны всѣ имена убитыхъ офицеровъ. Отряду пришлось отступить, по едва проходимой мѣстности, преслѣдуемому непріателемъ; однакоже ни одной пушки не было потеряно. Вскорѣ Омеръ-Вріоне, видя невозможность подать помощь осажденной Варнѣ, отступилъ за рѣчку Камчикъ. Варна стѣснялась все болѣе нашими батареями. Въ гарнизонѣ ея открылись болѣзни и недостатокъ въ продовольствіи; однакоже она не сдавалась до начала Октября. Около 10-го числа наконецъ наши вступили въ полуразрушенную крѣпость. Гарнизонъ сдался военноплен-

⁴⁾ См. ниже въ приложеніи. II. Б.

нымъ. Онъ отправленъ былъ подъ конвоемъ въ Россію. Наступившій скорѣ сильный холодъ довершилъ злѣе заключеніе гарнизона: множество померло отъ недостатка одежды и пищи.

Войска наши изъ подъ Варны выступили на зимовыя квартиры за Дунай, сначала гвардія, а потомъ и 2-й пѣхотный корпусъ со всею кавалеріей. Отъ наступившаго холода они также много потерпѣли. Многіе, даже и офицеры, ознобили себѣ члены по недостатку теплой одежды и квартиръ, потому что отъ Варны до самаго Дуная видѣлись только кое-гдѣ развалины; обогрѣться было негдѣ, кромѣ какъ въ полѣ у разведенныхъ огней. Проходя мимо Базарджика, многіе офицеры давали большія деньги за то, чтобы подковали ихъ лошадей. Въ самый же Базарджикъ приказано было отъ коменданта не впускать никого, потому что излишняго продовольствія и помѣщенія тамъ не было.

По взятіи Варны войскамъ подъ Шумлой оставаться было бесполезно, почему и приказано было отступить нашей 18-й дивизіи въ Базарджикъ, а прочимъ войскамъ въ Варну, что и было исполнено довольно благополучно, потому что холодъ былъ сначала не слишкомъ жестокъ; только нѣкоторыя команды, остававшіяся назади, бывши у самаго почти Базарджика, захвачены сильной мятелью, такъ что едва не замерзли; однакоже имъ удалось развести огонь, что и спасло ихъ. 3-й же корпусъ оставался еще подъ Шумлой для прикрытія отступившихъ войскъ. Наконецъ и ему приказано было отступить по дорогѣ къ Силистріи. Послѣ холода пошла изморозь и разгрязнила землю. Въ это-то время 3-й пѣхотный корпусъ, по наступленіи темноты, снялся съ мѣста и дошелъ до Ени-Базара, селенія, находящагося верстахъ въ 12-ти отъ Шумлы. Дошедъ до горы довольно крутой и длинной, артиллерія остановилась, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, однакоже это мало помогло. Лошади, изнуренныя послѣдней безкормицей, не могли вывезти на гору артиллерію. Имъ подсобляли люди. Пока это происходило, Турки, на разсвѣтѣ, усмотрѣвъ совершенное отступление нашихъ войскъ, сдѣлали сильную вылазку по слѣдамъ отступившихъ и настигли аррьергардъ у подъема на гору. Тутъ произошло невыгодное дѣло, въ которомъ потерпѣли уронъ наши войска. Нѣсколько пушекъ были заклепаны и оставлены, а другія зарыты въ землю. Дальнѣйшее отступление 3-го корпуса происходило медленно по грязной дорогѣ. Лошади почти всѣ погибли, такъ что много пушекъ зарыто въ землю, а подъ остальные офицеры дали своихъ собственныхъ лошадей, лучше сохранившихся. Дошедъ до Дуная, 3-й корпусъ сталъ переправляться обратно. Наконецъ и осадный отрядъ, осаждавшій Силистрію, снялся и переправился за Дунай, съ трудомъ увезя съ собой тяжелыя осадныя орудія. Такъ кончилась Турецкая кампанія 1828 года по свѣжимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ самыхъ дѣйствующихъ.

Къ 1829-му году за Дунаемъ въ Болгаріи оставались 6-й и 7-й пѣхотные корпуса, занимавшіе крѣпости, взятые въ прошломъ году. Кавалерія же, причисленная къ симъ корпусамъ, зимовала въ Валахіи по невозможности прокормить лошадей. Артиллерійскія лошади отосланы были туда же, только оставлены самыя необходимыя, которыя едва передвигали отъ безкормицы ноги. Всѣми войсками, зимовавшими за Дунаемъ, командовалъ генералъ отъ инфантеріи Ротъ. Квартира его, называвшаяся главною, находилась въ Варнѣ. Турки занимали по сю сторону Балканскихъ горъ крѣпости Шумлу, Си-

листрію, Рущукъ и Видинъ. Двѣ послѣднія не были осаждаемы въ прошломъ 1828 году, такъ какъ отстояли далѣе отъ Чернаго моря, которое находилось во власти нашего флота. Турецкій же флотъ въ 1827 году почти весь истребленъ былъ при Наваринѣ.

Турки ничего не предпринимали до Января; въ это время появились ихъ партизанъ съ 1000 человѣками, намѣреваясь тревожить наши войска, находившіяся въ Варнѣ и Базарджикѣ, особливо же перехватывать на сообщеніяхъ малыя команды или маркитантовъ. Небольшая крѣпость Праводы, занятая нашимъ отрядомъ въ 3000 человѣкъ, выдавалась болѣе другихъ къ Балканамъ; сообщенія съ Варной, отстоявшей отъ нея верстахъ въ 40, также и отъ Базарджика не ближе, были опасны. По этимъ обстоятельствамъ посланъ былъ изъ Варны отрядъ для уничтоженія Турецкаго партизана. Отрядъ волонтеровъ изъ Болгаръ, который присоединился къ нашимъ войскамъ, состоявшій человѣкъ изъ 50, вызвался участвовать въ этой экспедиціи. Эти Болгарскіе молодцы знали всѣ пути и тропинки какъ по сую сторону Балканъ, такъ и въ самыхъ горахъ. Проводники эти услѣдили наконецъ Турецкаго партизана, и нашъ отрядъ внезапно ночью окружилъ его съ нѣкоторымъ числомъ его товарищей. Онъ сталъ защищаться, но спастись не могъ и былъ убитъ со многими изъ Турокъ. Тѣмъ кончилась эта экспедиція. Въ Февралѣ 1829 года не было никакого слуха о Туркахъ. Когда я пріѣхалъ въ Базарджикъ, близъ него по противоположнымъ сторонамъ устроены были два редута; одинъ названъ Николаевскимъ, другой — Александровскимъ. Въ случаѣ нападенія Турокъ на Базарджикъ они могли содѣйствовать къ его оборонѣ. Въ началѣ Марта одна пѣхотная рота, стоявшая отъ Базарджика въ 10 верстахъ, въ редутѣ, устроенномъ по дорогѣ къ Шумлѣ, подверглась нападенію небольшого Турецкаго отряда, однакоже отступила поспѣшно въ Базарджикъ. Тогда назначена была небольшая экспедиція, состоявшая изъ одной роты, къ коей присоединены были два орудія подъ моей командой. Мы прошли по дорогѣ къ Шумлѣ, верстѣ 5 до лѣса; но, не видя непріятеля, возвратились обратно. Отступившая же прежде рота оставлена была въ Базарджикѣ, потому что стало опасно держать ее въ удаленіи. Въ замѣнъ этого посланы были на ближніе редуты по 4 орудія. На Николаевскій редутъ назначенъ былъ я, почему и переселился туда въ солдатскую палатку. Въ это время сдѣлался боленъ Александръ Ермаевъ отъ простуды и отправленъ былъ въ госпиталь, а я взялъ еще деньщика для своей прислуги. Такъ какъ я числился въ ротѣ подполковника Раевского, и по заведенному въ артиллеріи порядку каждый день у него обѣдали офицеры, почему я, съ позволенія начальника редута, ходилъ около полудня въ городъ, отстоявшій отъ редута въ верстѣ не болѣе. Обыкновенный столъ состоялъ изъ сухаго бульона, развареннаго въ водѣ, чернаго хлѣба, хорошо испеченнаго, кваса и соеной провизіи. Свѣжаго мяса достать было невозможно, потому что оно не продавалось и не привозилось въ городъ; птицъ рѣдко видали, да и тѣ были очень дороги. Самъ хозяинъ былъ очень боленъ и лежалъ въ постели, однакоже любилъ, чтобы съ нимъ кто нибудь былъ. Этотъ старый служивый перешелъ изъ морской артиллеріи; нѣкогда съ Головиннымъ былъ въ Китаѣ и Японіи; добрый по природѣ, онъ никогда не пѣтушился, почему мы его любили и охотно съ нимъ оставались.

Въ половинѣ Марта изъ Базарджика отправилась экспедиція, состоявшая изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ; къ ней присоединены были 6 орудій нашей роты, подъ командою штабсъ-капитана Лишина. Корпусный командиръ, генераль-лейтенантъ Ридигеръ смотрѣлъ нась въ 10 верстахъ отъ Базарджика; мы проходили до мѣстечка Козлуджи, находящагося отъ Базарджика верстахъ въ 30-ти по дорогѣ къ Шумлѣ. Время было прекрасное, какое въ Россіи бываетъ иногда въ Маѣ; свѣжесть воздуха вмѣстѣ съ пріятной теплотою производили на людей и даже лошадей магическое дѣйствіе. Мы ожили, особливо же тѣ, которые провели всю зиму въ Базарджикѣ, этомъ мѣстѣ смерти: потому что трупы умершихъ въ прошломъ году были неглубоко зарыты вообще, а нѣкоторые только прикрыты землею, что производило при началѣ тепла тяжелый запахъ. Къ вечеру подошли мы къ мѣстечку Козлуджи, которое въ дѣйствительности не существовало: оно сожжено было въ прошломъ году по неосторожности прислуги какого-то Русскаго генерала, остановившагося проездомъ для изготавленія обѣда. Прошедъ развалины, мы расположились въ двѣ линіи. Мнѣ досталось съ орудіями мѣсто во 2-й. Разбивъ палатки и отдохнувъ, заснули мы крѣпкимъ сномъ. Ночь эта прошла спокойно; на вторую же случилась фальшивая тревога, и мы принуждены были до разсвѣта простоять съ оружіемъ. Ежедневно, при утренней и вечерней зорѣ, слышали мы зоревую пушку въ крѣпости Шумлѣ; нападенія же на насъ не было. Такъ простояли мы около трехъ недѣль. Люди повеселѣли, лошади значительно поправились. Трава отросла на четверть и выше. Табуны гуляли неподалеку отъ лагерей. Около половины Апрѣля возвратился отрядъ нашъ въ Базарджикъ, обрадовавъ начальника своею свѣжестью. Наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны не было, вѣроятно по недостатку кавалеріи, находившейся за Дунаемъ, которая не могла подойти ранѣе того, пока подножный кормъ могъ прокармливать лошадей. Въ концѣ Апрѣля умеръ нашъ ротный командиръ, подполковникъ Раевскій, отъ неваренія желудка, которое дошло до того, что онъ не могъ принимать никакой пищи, которая тотъ же часъ извергалась рвотой. Мы похоронили его на общемъ кладбищѣ съ сожалѣніемъ, какъ добраго командира.

Въ началѣ Мая главный начальникъ Турецкаго войска Решидъ-паша выступилъ изъ Варны, имѣя болѣе 40 тысячъ и значительную артиллерію до 50 орудій, къ городу Праводамъ, занятому 4000-мъ отрядомъ нашихъ войскъ. Онъ отстоитъ отъ Шумлы верстахъ въ 40 и былъ укрѣпленъ. Мѣстность его заключалась между двухъ обрывистыхъ и каменистыхъ горъ. Съ южной стороны, т. е. отъ Шумлы, на горѣ, построено былъ кронверкъ, снабженный артиллеріей, въ коемъ безотлучно находился гарнизонъ, состоявшій изъ цѣлаго батальона. Возлѣ него пролегла узкая дорога въ Праводы, сначала почти отвѣсно спускавшаяся, а потомъ при поворотѣ, болѣе отлогая; кромѣ этой дороги другой не было. Съ обѣихъ горъ были тропинки, по коимъ страшно было ходить даже по одиночкѣ. Решидъ-паша съ своей арміей расположился на южной сторонѣ, представляющей ровную мѣстность, артиллерію свою поставилъ у самаго обрыва, сколько можно было помѣстить, и дѣйствовалъ наклонно по городу, откуда ему отвѣчали съ олешей навѣсными выстрѣлами, а съ кронверка—продольными. Въ Варнѣ еще въ концѣ Апрѣля оказались признаки чумы. Неизвѣстна причина этой заразы, но вѣроятно за-

несена она возвратившимися командами изъ Валахія, пришедшими съ лошадьми, тамъ зимовавшими. Я слышалъ это отъ медиковъ, которые полагали, что чумная зараза сначала появилась въ Бухарестѣ въ военномъ госпиталѣ въ концѣ прошлаго 1828 года, дѣйствовала сначала слабо, но время отъ времени становилась сильнѣе и къ веснѣ 1829 года усилилась и распространилась по обѣимъ сторонамъ Дуная; но сплѣнь свирѣпствовала въ нашихъ войскахъ, терпѣвшихъ болѣе лишеній, почему и перешла съ ними весною за Дунай, въ Болгарію. Замѣчено, что жители почти ея не заражались, а поражала она нашихъ военныхъ.

Командовавшій Задунайскими войсками, генераль Ротъ, узнавъ о движеніи Турокъ къ Праводамъ, далъ приказъ находившимся въ Варнѣ войскамъ, состоявшимъ изъ части 6-го пѣхотнаго корпуса въ количествѣ до 6000 человекъ, выступить къ селенію Ески-Арнаут-лару⁵⁾, находившемуся въ 4 верстахъ отъ Праводъ съ сѣверо-восточной стороны, при самомъ входѣ въ ущелье, въ коемъ находится этотъ городъ. 3-го Мая они пришли на эту позицію; генераль Ротъ вскорѣ самъ пріѣхалъ и послалъ егерскую бригаду съ 4-мя орудіями въ самое ущелье, чтобы она, если возможно, прошла въ Праводы для подкрѣпленія гарнизона, подъ начальствомъ генераль-маіора Геркена. Генераль этотъ представлялъ Роту невозможность исполнить его приказаніе, потому что Турки, спустившись съ горы, гдѣ былъ ихъ лагерь, въ значительныхъ силахъ занимали съ этой стороны ущелье; но онъ настоялъ съ запальчивостію на этомъ. Посему отрядъ двинулся, но не успѣлъ отойти и на полверсты, какъ со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ Турками. Они съ яростію его атаквали и послѣ кратковременнаго сопротивленія весь почти истребили, кромѣ небольшого числа плѣнныхъ. 4 пушки, бывшія при отрядѣ, взяли въ плѣнъ, также полковаго священника, надъ коимъ ругались, выколачивая трубки свои на его голову. Генераль Геркенъ, оставшійся въ живыхъ, подалъ доносъ на Рота чрезъ военнаго министра, выставивъ, что отрядъ его посланъ былъ на явную и бесполезную смерть; но вліяніемъ высшаго начальства просьба его не была уважена, а онъ за доносъ посаженъ былъ на одинъ годъ въ крѣпость.

Не смотря на этотъ успѣхъ, Турки не отважились однакоже атаковать всего отряда, продолжая канонаду по Праводамъ. Каждый вечеръ Решидъ-паша выкликалъ охотниковъ идти на штурмъ кровверка, который мѣшалъ взять Праводы, потому что подлѣ него проходила единственная дорога въ ущелье, для чего выдавалъ усиленную винную порцію; но эти ложные охотники, подпивши, отказывались отъ штурма подъ предлогомъ, что около кровверка подведены Русскими мины, хотя этого не было. Такое положеніе продолжалось болѣе недѣли и доказало неспособность Турецкаго войска.

Между тѣмъ въ Базарджикъ прибыли изъ Валахія артиллерійскія и подъемныя лошади, первыя съ штабсъ-капитаномъ Жиленковымъ, которому онѣ были поручены. Въ это же время назначено было выступить намъ въ походъ съ войсками, зимовавшими въ Базарджикѣ, за исключеніемъ Казанскаго пѣхотнаго полка, который оставался въ немъ съ 6-ю орудіями нашей роты, начальникомъ которыхъ оста-

⁵⁾ Селенія этого не существовало уже; вѣроятно, еще въ 1828 году оно было уничтожено.

вался я и получилъ уже предписаніе отъ бригаднаго командира, полковника Штейнбена, принять ихъ въ свою команду; но прибывшій, какъ выше сказано, штабсъ-капитанъ Жиленковъ, какъ старшій офицеръ въ ротѣ, долженъ былъ оставаться съ полуротой. Онъ былъ со мной очень хорошъ, потому что мы вмѣстѣ съ нимъ произведены были въ офицеры и поэтому ли, или по другимъ своимъ расчетамъ, предложилъ остаться въ Базарджикъ вмѣсто меня.

И такъ я выступилъ въ походъ съ полуротой, бывшей подъ начальствомъ штабсъ-капитана Лишина, вмѣстѣ съ прочими полками 18-й пѣхотной дивизіи. Мы прошли мимо знакомаго уже мнѣ мѣстечка Козлуджи и на другой день пришли на позицію къ Ески-Арнаутлару, гдѣ стоялъ нашъ корпусный командиръ, генералъ Ротъ. Тогда было 25-е число Мая. Наши орудія помѣщены были на лѣвомъ флангѣ всего отряда, который состоялъ изъ 15 тысячъ. При пасѣ находилось уже нѣсколько кавалерійскихъ полковъ, пришедшихъ изъ-за Дуная. Предъ нами была обширная равнина. Турецкій же лагерь расположенъ былъ лѣвѣе на высотахъ предъ городомъ Праводами, по которому производилась частая канонада. Многочисленная непріятельская кавалерія спускалась на равнину, и тутъ ежедневно происходили небольшія схватки между нашими аванпостами, которыя иногда доходили до пушечныхъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ имѣвшейся при полкахъ конной артиллеріи. Праводы находились отъ насъ въ 4 верстахъ, и хотя прямаго сообщенія съ городомъ не было, однакоже по ночамъ пробирались казаки съ приказаніями. Противъ самаго лѣваго нашего фланга, гдѣ помѣщались орудія наши, стоявшія на флешахъ, былъ видѣнъ большой крестъ, поставленный на могилахъ убитыхъ 3-го числа Мая нашихъ егерей; около этого мѣста было множество цвѣтковъ ярко-краснаго цвѣта, какъ бы нарочно выросшихъ на мѣстѣ недавняго кровопролитія. Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего прихода случилась ночью большая тревога въ нашемъ лагерѣ. Причиной ея была оплошность конныхъ ведетовъ, которые, стоя впереди лагеря, шагахъ въ 200, сошли съ лошадей, а нѣкоторые уснули. Лошади, вырвавши у нихъ поводъ, побѣжали къ лагерю. Пѣхотная цѣпь, находившаяся шагахъ въ 50 впереди лагеря, услышавъ конскій топотъ, приняла это за ночное нападеніе со стороны Турокъ и, открывъ бѣглый огонь, отступила поспѣшно. Въ лагерѣ, спящемъ уже около двухъ часовъ, всѣ проснулись и кинулись къ своимъ мѣстамъ. Въ это время раздался выстрѣлъ батарейнаго орудія и крикъ ура полусонныхъ солдатъ, который, начавшись на правомъ флангѣ, пронесся до лѣваго. Я также вскочилъ со сна и стоялъ у своего орудія; полусонный канониръ, взявъ фитиль, соваля его въ затравку, на которой не было поставлено скорострѣльной трубки. Скоро однакоже ложная эта тревога объяснилась, и всѣ успокоились. На другой день рассказывали много смѣшныхъ сценъ, происходившихъ въ эту ночь.

Около 26-го числа Мая два гусарскихъ полка прошли правѣе нашего лагеря по направленію изъ Силистріи къ Шумлѣ, вѣроятно для развѣдыванія въ ея окрестностяхъ о движеніяхъ Турецкихъ войскъ. Затѣмъ, въ ночь съ 27-го на 28-е число, данъ былъ приказъ нашей полуротѣ съ гусарскимъ графа Витгенштейна полкомъ и Бугскимъ уланскимъ пройти въ городъ Праводы для присоединенія къ его гарнизону. По наступленіи совершенной темноты, мы тронулись съ большою осторожностью; впереди шли гусары, затѣмъ наши 6 орудій,

позади насъ уланы. Прошедши около двухъ верстъ по лощинѣ, съ южной стороны которой находились на горѣ Турки въ близкомъ отъ насъ разстояніи, отрядъ нашъ расположился на лужайкѣ, окруженной лѣсомъ, опасаясь встрѣчи съ Турецкими разѣздами, потому что движеніе наше должно было оставаться скрытнымъ. Тутъ повели мы около трехъ часовъ не въ безопасномъ положеніи. Гусары и уланы въ передней шеренгѣ не слѣзали съ коней и перемѣнялись со второю, которая, для отдыха ихъ, занимала мѣсто первой. Лошади, сочувствуя людямъ, стояли удивительно смирно, такъ что нѣкоторые изъ нихъ ржали особенно тихо, какъ бы понимая опасность. За часъ до разсвѣта двинулись мы къ Праводамъ и прошли еще оставшіяся двѣ версты благополучно. При самомъ почти входѣ въ укрѣпленіе, находившееся съ этой стороны, у моего орудія опрокинулся зарядный ящикъ, почему я и оставался при немъ, пока его подняли и впрягли лошадей. Заря уже занималась, однакоже мы благополучно вѣхали въ Праводы и увидали на горѣ жерла Турецкихъ орудій, направленные въ городъ. Они изрѣдка изъ нихъ стрѣляли; около нихъ расхаживали Арабы въ бѣлыхъ чалмахъ и стаялъ какой-то, вѣроятно, паша съ длиннымъ чубукомъ во рту; цвѣтъ лица его былъ Европейскій. Полюбовавшись этимъ видомъ, отошли мы на юго-западную сторону, гдѣ и поставлены были наши орудія на барбетахъ у рва, окружавапгаго съ этой стороны Праводы. Такъ простояли мы до 29-го числа Мая.

Между тѣмъ главнокомандующій всею арміею, генералъ отъ инфантеріи Дибичъ, у коего начальникомъ главнаго штаба былъ генералъ Толъ, сдѣлалъ диспозицію, чтобы всѣ войска, пришедшія къ Дунаю изъ Молдавіи и Валахіи, двинулись къ Шумлѣ, въ предположеніи отрѣзать верховнаго визиря Решидъ-пашу (стоявшаго предъ Праводами) отъ Шумлы и смотря по обстоятельствамъ дѣйствовать. Войска главной арміи, состоявшія изъ 2-го пѣхотнаго корпуса и принадлежащей къ нимъ кавалеріи и артиллеріи, двинулись на Шумлу и когда поравнялись съ корпусами 6-мъ и 7-мъ пѣхотнымъ, стоявшимъ у Ески-Арнаутлара, послѣдніе съ 27-го яа 28-е Мая въ ночь получили повелѣніе, снявшись съ этой позиціи, присоединиться къ главной арміи, что исполнено; оставлены были на мѣстѣ лагеря зажженные бивачные огни, чтобы ввести Турокъ въ обманъ на счетъ движенія всѣхъ войскъ къ Шумлѣ. Они съ своей стороны, или лучше ихъ начальники, были до того безпечны, что не знали о походѣ главнокомандующаго Дибича по дорогѣ, пролегающей изъ Силистріи къ Шумлѣ; и только 28-го Мая утромъ увидѣли, что войска, у Ески-Арнаутлара стоявшія, исчезли. Наконецъ посланные Турецкіе разѣзды донесли Решидъ-пашѣ, но уже поздно, что Русская армія двинулась къ Шумлѣ и находится на привалѣ, цѣлымъ переходомъ ближе къ сей крѣпости, чѣмъ войско Решидъ-паши. Тогда Решидъ-паша съ кавалеріей и большею частію артиллеріи усиленнымъ маршемъ пошелъ къ Шумлѣ, оставивъ у Праводъ отрядъ подъ начальствомъ Галиль-паши; однакоже 29-го Мая очутился отрѣзаннымъ отъ Шумлы. 30-го Мая утромъ вся Турецкая кавалерія двинулась впереди прочаго ихъ войска, съ намѣреніемъ пробиться въ крѣпость Шумлу. Вышедъ изъ лѣса, она увидѣла два нашихъ батальона, выставленныхъ впереди нашихъ войскъ, одинъ — Муромскаго пѣхотнаго полка, а другой — егерскій; послѣдній занималъ изгороды за канавой бывшей Турецкой деревни; Муромскаго же полка батальонъ стоялъ въ лощинѣ,

построенный въ каре. Съ необыкновеннымъ бѣшенствомъ вся эта масса бросилась на батальонъ Муромскаго полка и послѣ отчаяннаго его сопротивленія успѣла, разстроивъ ряды, проникнуть въ средину каре. Тогда началась неравная рукопашная битва, кончившаяся совершеннымъ истребленіемъ батальона нашего Муромскаго полка. Егерскій батальонъ, подвергнувшійся также нападенію кавалеріи, былъ счастливѣе, потому что половина его успѣла залечь за канавой и въ виноградныхъ кустахъ, откуда производила ружейный огонь; остальная его часть была также, какъ и Муромскій батальонъ, истреблена. Армія наша, въ которой считалось 3 пѣхотныхъ корпуса (однакоже некомплектные, потому что много команды было въ откомандировкахъ) заняла всѣ проѣзжія дороги къ Шумлѣ; поэтому Решидъ-паша надлежало пробиваться силою. Ободрившись одержаннымъ успѣхомъ своей кавалеріи, въ густыхъ колоннахъ расположились они послѣ полудня на отдыхъ на небольшой полянѣ, окруженной лѣсомъ; въ срединѣ находилась вся его артиллерія. Предъ нимъ протекалъ по ложинѣ протокъ, на которомъ былъ мостъ, чрезъ который ему должно было слѣдовать; за этимъ мостомъ стояли наши войска. На пригоркѣ занимала позицію конно-батарейная рота полковника Глинки, прямо противъ отдыхающихъ Турокъ, разстояніемъ не далѣе пушечнаго выстрѣла, и производила огонь изъ единороговъ гранатами. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ одна граната пробила Турецкій зарядный ящикъ; произошелъ взрывъ, сообщившійся и другимъ. По причинѣ тѣсноты помѣщенія всѣ почти Турецкіе зарядные ящики были взорваны. Слѣдствіемъ этого было много убитыхъ и наведенъ такой панический страхъ на Турокъ, что они бросили свою артиллерию, обозъ, стоявшій неподалеку и отступили. Въ это самое время наша кавалерія, имѣя впереди Иркутскій гусарскій полкъ, устремилась за ними и, не давъ опомниться, заставила спастись бѣгствомъ. Вся масса Турокъ, около 40 тысячъ человѣкъ, бѣжала въ разсыпную, кидая оружіе и даже верхнюю одежду свою для легчайшаго побѣга. Вся артиллерія и обозъ достались побѣдителямъ. Въ числѣ плѣнныхъ были и жены верховнаго визиря Решидъ-паши, сидѣвшія въ закрытыхъ колымагахъ, которымъ не было сдѣлано ни малѣйшаго оскорбленія; а на другой день ихъ отправили въ Шумлу по приказанію главнокомандующаго. Битва эта названа генеральнымъ сраженіемъ подъ Кулевчею ⁶⁾, которое было самое кровопролитное и рѣшительное въ Турецкую кампанію 1829 года. Турокъ осталось на мѣстѣ убитыхъ до 5000; остальные разбѣжались по лѣсамъ и ущеліямъ; кавалерія же усакала въ разсыпную; въ томъ числѣ и самъ Решидъ-паша съ сотнею своихъ тѣлохранителей успѣлъ по едва проходимымъ тропинкамъ пробраться въ Шумлу.

Въ ночь съ 29-го на 30-е Мая Праводскій отрядъ, въ которомъ я находился, состоявшій подъ командой генераль-маіора Куприянова, замѣтивъ отступление Турокъ съ вечера 29-го Мая отъ Праводъ, получилъ приказаніе выступить изъ Праводъ для преслѣдованія Турокъ; отошедъ нѣсколько верстъ по направленію къ Шумлѣ, мы провели остальную часть ночи въ каре. Съ наступленіемъ утренней зори 30-го Мая двинулись далѣе. Впереди пѣхоты, которая была построена побатальонно въ каре, между коими было по одному орудію легкой артиллеріи, отдѣлившись впередъ версты на 3, шла кавале-

⁶⁾ Имя Турецкой деревни, близъ коей произошло сраженіе.

рія, состоявшая изъ одного гусарскаго и одного уланскаго полка и 4 орудій конной артиллеріи, пришедшихъ съ нами въ Праводы. Начальникъ отряда нашего, генералъ-майоръ Купріяновъ, послалъ приказаніе генералъ-майору Левченкѣ, командовавшему кавалеріей, чтобы тотъ не уходилъ далеко впередъ отъ пѣхоты, которая уже не могла его поддержать въ случаѣ нападенія непріятеля; но Левченко не обратилъ на это вниманія и продолжалъ отдѣляться все болѣе отъ пѣхоты; наконецъ мы едва могли уже видѣть кавалерію нашу, которая въ это время подходила къ перелѣску, на возвышеніи находящемуся; въ немъ виднѣлась непріятельская кавалерія. Левченко вообразилъ, что это Турецкій обозъ подъ слабымъ прикрытіемъ и, вознамерившись его атаковать, прибавилъ шагу. Въ тоже время густыя массы Турецкой кавалеріи, вышедши со сторонъ обоихъ фланговъ нашей, стали съ ней сближаться, и 10 орудій Турецкой конной артиллеріи выскакали изъ-за лѣса прямо во фронтъ нашей кавалеріи. Левченко тогда остановилъ отрядъ, а 4 орудія конной артиллеріи нашей, снявшись съ передковъ, начали дѣйствовать по Турецкой артиллеріи, которая, подскакавъ на дистанцію, снялась съ передковъ и также открывала огонь. Перестрѣлка эта продолжалась не болѣе 5 минутъ. Тогда Турецкая кавалерія, подвигаясь съ обоихъ фланговъ, пустилась стремительно въ атаку на нашу, которая, состоя изъ значительной части рекрутъ, повернула коней и понеслась назадъ. Тщетно нѣкоторые офицеры пытались остановить ее, въ томъ числѣ ротмистръ Мураевъ съ частію своего эскадрона. Онъ попался въ плѣнъ съ нѣсколькими гусарами и однимъ корнетомъ; остальные кавалеристы неслись въ карьеръ, перемѣшавшись съ Турками, которые, догоняя нѣкоторыхъ, кололи и рубили. Въ это время мы сходили въ лошину⁷⁾ и видѣли, какъ Турки, догнавъ наши орудія конной артиллеріи (которые на одномъ овражкѣ соскочили съ передковъ и кои на себѣ надвигали наши артиллеристы, соскочившіе съ лошадей) изрубили ихъ, а орудія взяли; ускакали только два офицера, поручикъ Евтичъ и прапорщикъ Ивановъ, которые не сходили съ лошадей. Наконецъ, командиръ остановилъ насъ въ лощинѣ, когда наша оставшая кавалерія появилась на возвышеніи не далѣе ружейнаго выстрѣла, перемѣшанная съ Турками. Тогда пѣхота, пропустивъ нашихъ гусаръ за каре, открыла батальный огонь, чѣмъ остановила натискъ Турокъ, изъ коихъ нѣкоторые были убиты или ранены возлѣ самыхъ каре. Они обратились назадъ, а сотня казаковъ, которая находилась при пѣхотѣ и не участвовала въ дѣлѣ, бросилась вслѣдъ за уходившими и нѣкоторыхъ смѣльчаковъ поколола пиками. Въ это самое время, когда гусары, уходя отъ Турокъ, бросились въ интервалы между каре, орудіе, при которомъ и находился, взято было на отвозы назадъ по приказанію штабсъ-капитана Лишина, полагавашаго, что придется отстрѣливаться, отступая; лошади, стоявшія по этому задомъ къ орудію, испугались и рванулись назадъ. Я стоялъ въ это время у колеса, ожидая, пока проскачутъ гусары, чтобы выстрѣлить картечью по Туркамъ, которые открыли по насъ огонь изъ пистолетовъ; но колесо внезапно меня сбило съ ногъ и переѣхало по ногамъ выше колѣнъ. Сгоряча я вскочилъ на ноги и съ прислугой, остановивъ лошадей, началъ надвигать орудіе на свое мѣсто, что

⁷⁾ По ошибкѣ начальника, потому что намъ лучше было остановиться на возвышеніи.

мы и исполнили. Въ это время Турки уже убрались за пригорокъ. Начальникъ нашъ, усмотрѣвъ, что Турецкія колонны двинулись какъ бы въ обходъ къ Праводамъ, началъ поспѣшно отступать, дабы ихъ тамъ предупредить; но это былъ только маневръ, потому что вскорѣ онѣ поворотили назадъ; а мы, отойдя отъ мѣста сраженія версты 4, остановились и потомъ, по распоряженію генерала Купріянова, продолжали отступать къ Праводамъ; Турки же въ это время поспѣшили на соединеніе съ верховнымъ вѣзиремъ Решидъ-пашею, съ коимъ и были разбиты, какъ выше описано подъ селеніемъ Кулевчею. Въ тотъ же день къ вечеру 30-го Мая и всю ночь они бѣжали въ лѣса и горы, чтобы укрыться, а взятыя наши 4 орудія бросили съ лафетами въ глубокое ущелье.

Возвратившись въ Праводы, мы остановились у кровверка, не спускаясь въ городъ. Я провелъ беспокойную ночь, чувствуя боль въ ногахъ. На другой день рано утромъ двинулся нашъ отрядъ по направленію къ Шумлѣ, потому что генералъ Купріяновъ не имѣлъ никакихъ извѣстій о сраженіи подъ Кулевчею. Я едва сѣлъ на лошада, а пѣшкомъ не могъ бы идти. Хотя по болѣзни можно было мнѣ остаться, но мы такъ были раздражены вчерашнимъ дѣломъ, что рѣшились порядочно отплатить за это Туркамъ. Если бы Купріяновъ вмѣсто того, чтобы вчера послѣ нападенія Турецкой кавалеріи идти назадъ въ Праводы, послѣдовалъ за нею, то мы успѣли бы, послѣ разбитія ихъ подъ Кулевчею, перерѣзать пѣмъ дорогу и взять въ плѣнъ или истребить часть ихъ войскъ. Но дурной оборотъ дѣла подъ Марковщиной, гдѣ Левченко, какъ выше сказано, потерялъ половину своей кавалеріи и 4 орудія—причиной, что Купріяновъ не рѣшился на это. Притомъ оставшаяся наша кавалерія была еще въ паническомъ страхѣ, слѣдовательно почти бесполезна. И такъ пословица: ищи вчерашняго дня, сбылась съ нашимъ отрядомъ. 31-го Мая мы шли скорымъ шагомъ по вчерашнимъ слѣдамъ, проходили мѣсто сраженія, видѣли тѣла убитыхъ, въ томъ числѣ конноартиллеристовъ; тѣла ихъ были изуродованы, съ отрѣзанными ушами и носами и сброшены въ небольшой оврагъ. Далѣе, по направленію къ роцѣ и къ высотѣ, откуда бросились вчера Турки на нашу кавалерію, лежали тѣла убитыхъ гусаръ и уланъ также обезображенные и обнаженные. Варварство это еще болѣе озлобило нашихъ солдатъ, которые ускорили шагъ, надѣясь догнать Турокъ. Прошедши нѣсколько часовъ, вошли мы въ лѣсъ; кавалерія шла нѣсколько впереди. Вдругъ приказано было пѣхотѣ остановиться и построиться въ каре, не дѣлая большого шума. Исполнивъ это, оглядѣвшись, увидѣли мы, что мѣстность была очень неудобна: это была поляна, косогоръ, поросшій рѣдкимъ лѣсомъ. Противъ моего фаса былъ крутой подъемъ, поросшій лѣсомъ, такъ что дѣйствовать изъ орудій было совершенно бесполезно. Однако мы приготовились на случай. Вдругъ по отряду пробѣжала радостная вѣсть о разбитіи Турокъ подъ Кулевчею и что нашу кавалерію, состоящую изъ Изюмскаго гусарскаго полка, передовые нашего отряда приняли сначала за Турокъ, но подѣхавши ближе, увидѣли свою ошибку. Тогда мы двинулись далѣе къ Шумлѣ и, взойдѣ на большое возвышеніе, остановились. Во время нашего отдыха видѣли мы взятіе Турецкаго редута подъ Шумлою, въ разстояніи отъ насъ верстахъ въ шести спѣшенными гусарами Александрійскаго полка и батальономъ егерей. Бывшіе въ редутѣ Турки были всѣ перебиты, исключая одного начальника, ко-

торый, перескочивъ черезъ окопъ, ускорилъ въ Шумлу. Вскорѣ кавалерія и пѣхота нашего отряда получили приказаніе преслѣдовать Турокъ по направленію къ рѣчкѣ Камчику и по ущеліямъ, поросшимъ лѣсомъ; артиллеріи же, по невозможности проходить по такой мѣстности, приказано было возвратиться въ Праводы.

Съ начала Мая 1829 г. въ Варѣ чумная зараза усиливалась постепенно, а по выходѣ нашей дивизіи изъ Базарджика, обнаружилась и въ немъ. Оставшіяся тамъ начальникомъ командиръ Казанскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Розычъ велѣлъ раздать солдатамъ новыя шинели изъ склада, не подвергнувъ ихъ окуркѣ и провѣтриванію, отчего, по замѣчанію всѣхъ тамъ находившихся, чумная зараза необыкновенно усилилась, добралась и до оставшейся полуроты нашей, въ которой истребляла самыхъ цвѣтущихъ здоровьемъ людей и на нихъ обыкновенно сильнѣе дѣйствовала. Штабсъ-капитанъ Жиленковъ остался однакоже въ живыхъ и принужденъ былъ хоронить свою команду. Участь эта доставалась мнѣ, но Провидѣніе избавило меня отъ нея. Въ Праводахъ также появилась чума около 1-го Іюня; сначала дѣйствовала изрѣдка, но чрезъ недѣлю усилилась. Генералъ Купріяновъ, нашъ начальникъ, не доносилъ о ея появленіи главнокомандующему, генералъ отъ инфантеріи Дибичу, полагая, что она скоро прекратится. Въ это время отправленъ я былъ подѣ Шумлу для принятія выздоровѣвшихъ солдатъ полковъ нашего отряда и препровожденія ихъ въ свои полки. Главная армія находилась послѣ сраженія подѣ Кулевчею подѣ Шумлой, гдѣ расположена была съ сѣверной ея стороны на высотахъ, отстоявшихъ верстъ на 7 отъ крѣпости. Впереди, верстахъ въ 4 отъ Шумлы, помѣстился лагерь казаковъ подѣ начальствомъ наказнаго атамана Сысоева, а позади, въ недалекомъ разстояніи, помѣщенъ былъ госпиталь въ палаткахъ. Со мной отправленъ былъ урядникъ съ четырьмя казаками для конвоя. Мы выѣхали изъ Праводъ подѣ вечеръ, ѣхали всю ночь до разсвѣта по примѣтамъ казацкимъ и къ свѣту наѣхали на коннаго часового, который насъ окликнулъ. Урядникъ отвѣчалъ ему условленнымъ знакомъ. Проѣхавъ съ полверсты, другой часовой казакъ сдѣлалъ такой же окликъ и, получивъ условленный отвѣтъ, пропустилъ насъ къ пикету, расположенному въ лѣсу на половинѣ дороги отъ Праводъ къ Шумлѣ. Казачій офицеръ пригласилъ меня въ свою палатку, чтобы отдохнуть нѣсколько часовъ, однакожъ далъ совѣтъ не разсѣдывать мою лошадь, а только отпустить подруги, по возможности ночной тревоги или нападенія. Всѣ лошади казацкія были осѣдланы, стояли въ одномъ скрытомъ мѣстѣ; при нихъ было нѣсколько караульныхъ. По первой тревогѣ вся команда бросалась къ лошадямъ, садилась на нихъ и, смотря по числу непріятелей, или нападала, или быстро уходила. Палатки оставляли на мѣстѣ; все же прочее было во व्यюкахъ, а люди не раздѣвались и даже не скидали сапогъ. Такимъ образомъ отдохнувъ нѣсколько часовъ и поблагодаривъ гостеприимнаго офицера, отправились мы далѣе. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы поравнялись съ оврагомъ, въ которомъ лежали непогребенныя тѣла Русскихъ и Турокъ, убитыхъ при нападеніи кавалеріи Турецкой на батальонъ Муромскаго пѣхотнаго полка. Смердѣ былъ нестерпимый, такъ что мы версты двѣ скакали во весь карьеръ, заткнувши носъ. Часа черезъ два подѣзжали уже къ нашему лагерю, расположенному подѣ Шумлой. Отыскавъ офицеровъ нашей бригады, я напился у нихъ чаю и явился къ бригадному командиру нашему, подѣ

ковнику Штейнбену, который и предложил мнѣ въ тотъ же день, взявъ команду выздоровѣвшихъ, вести ее въ Праводы. Полюбовавшись Шумлой, которая въ зрительную трубку была очень ясно видна, я выступилъ обратно уже другой дорогой. болѣе безопасной, которая нѣсколько длиннѣе прежней. На третій день подошли мы къ Праводамъ. Къ удивленію нашему меня съ командой не допустили въ городъ подъ предлогомъ, что въ ней могутъ быть зараженные чумой, тогда какъ подъ Шумлой въ главной арміи ея вовсе не было; лишь нѣсколько человѣкъ отъ этой болѣзни лежали особенно въ палаткахъ за госпиталемъ, но ни одного зараженного въ командѣ моей не было; а въ Праводахъ чума сильно дѣйствовала. Однакоже приказанію должно было повиноваться. У меня была солдатская палатка, которую и разбили за городомъ и еще 3 палатки солдатскихъ, въ коихъ помѣстилась команда. Мы какъ разъ были противъ чумнаго отдѣленія, окопаннаго глубокой канавой и обложеннаго большимъ количествомъ терновнику. Разстояніе, насъ раздѣлявшее, было менѣе ста сажень. Такъ расположившись, далъ я знать о своемъ приходѣ, вслѣдствіе чего пришелъ ко мнѣ Александръ Ермолаевъ съ бульономъ, чайной провизіей и баранками, купленными у нашихъ маркитантовъ. Этимъ питался я около недѣли; а команда, получивъ сухари, довольствовалася кашницей. Погода стояла чрезвычайно жаркая, а около насъ не продувалъ даже вѣтерокъ, потому что мы стояли въ глубокой ложинѣ, окруженной отвѣсными горами; однакоже, не смотря на это, изъ моей команды не заболѣлъ ни одинъ, почему и впущены были въ городъ, въ коемъ чума дѣлала уже большіе успѣхи. Было нѣсколько случаевъ внезапной заразы и смерти: такъ одинъ армейскій капитанъ, молодецъ наружностію, съ коимъ я познакомился, наканунѣ его смерти былъ совершенно здоровъ и веселъ. Вечеромъ легъ онъ спать въ своей палаткѣ; проснувшись рано утромъ съ ужасомъ увидѣлъ, что почти на немъ лежитъ чумный ему незнакомый. Послѣдній тутъ же умеръ, а капитанъ заразился, былъ отправленъ въ чумное отдѣленіе, гдѣ также вскорѣ умеръ. Въ нашей полуротѣ не было еще чумныхъ по особенному счастью. Командиръ нашего отряда, генералъ Купріановъ, для ослабленія заразы, приказалъ всему отряду, состоявшему изъ 4000 человѣкъ пѣхоты, выступить изъ города на высоты къ сторонѣ Шумлы, востѣ самой дороги, которая пролежала изъ этой крѣпости къ рѣкѣ Камчику и въ Балканскія горы. Мы всѣ съ радостію это приняли, и вскорѣ учредился лагерь. На этомъ мѣстѣ воздухъ былъ свѣжъ, и хотя жары были большіе, но гораздо сноснѣйшіе чѣмъ въ Праводахъ. Во время пребыванія моего въ этомъ лагерѣ, продолжавшагося около двухъ недѣль, чума усилилась до того, что въ день заболѣвало иногда по сту человѣкъ, кои были немедленно отправляемы въ Праводы, гдѣ находился чумный госпиталь. Медики всѣ померли отъ заразы, а имъ завѣдывалъ фельдшеръ, который отъ каждаго зараженнаго отбиралъ деньги—золото и серебро, очищалъ ихъ въ уксусѣ и пряталъ, чтобы, по выздоровленіи, отдать ихъ обратно; но такъ какъ выздоровленія не было, то и оставались они въ его рукахъ. Въ это непріятное время, благодаря Бога, я не чувствовалъ ни малѣйшей болѣзни; по ночамъ спокойно спалъ въ своей палаткѣ, ходилъ въ рубашкѣ, смоченной чистымъ дегтемъ какъ и прочіе; пили чай и обѣдали мы вмѣстѣ, всѣ четверо артиллерійскіе офицеры: штабсъ-капитанъ Лишинъ, поручикъ Левицкій, прапорщикъ Саблинъ и я. Въ это время знакомый мой и товарищъ, произведенный со мною въ одинъ

день въ офицеры, штабсъ-капитанъ Маркевичъ, бывшій тогда дивизионнымъ адъютантомъ, вздумалъ меня выручить изъ Праводъ. Такъ какъ при 6 орудіяхъ находилось 4 офицера, а слѣдовало по положенію быть только тремъ, то меня, какъ лишняго, прикомандировали по его ходатайству къ батарейной ротѣ нашей бригады, находившейся тогда подъ Шумлой. Приказъ объ этомъ пришелъ въ нашъ лагерь чрезъ нѣсколько дней. Въ это время 7-й пѣхотный корпусъ, оставивъ позицію при Шумлѣ, проходилъ возлѣ Праводъ по дорогѣ къ рѣкѣ Камчику, чтобы, переправившись чрезъ нее, идти чрезъ Балканскія горы въ Румелію. Мнѣ отдали приказъ въ руки, и я, не медля ни минуты, собрался съ Александромъ Ермолаевымъ, своимъ деньщикомъ и двумя лошадьми. Всѣ мнѣ завидовали, что я покидаю чумное мѣсто. Время было уже за полдень, насъ пропустили за цѣпь. Корпусъ прошелъ уже верстъ 10 отъ Праводъ; я за нимъ ѣхалъ по слѣдамъ и остановился на ночлегъ на лужайкѣ подъ деревомъ. Тутъ вздохнули мы свободнѣе, а на другой день по утру явился я къ бригадному командиру, полковнику Штейнбену, который зналъ уже, что въ Праводахъ оказалась сильная чума, почему и не принялъ меня въ роту, а отослалъ въ подвижной карантинъ, который слѣдовалъ не далеко за корпусомъ. И такъ, по волѣ Провидѣнія и добраго товарища, вышелъ я изъ этого въ высшей степени непріятнаго положенія—видѣть почти ежечасно заболѣвающихъ смертельною болѣзнію и ожидать себѣ подобной же участи. Послѣ выхода моего изъ Праводскаго лагеря, на другой день и вѣрно еще при мнѣ, заболѣлъ чумою начальникъ нашей полуроты, штабсъ-капитанъ Лишинъ; на него дѣйствовала она постепенно, потому ли что онъ былъ сложенія сухаго или по другой причинѣ. За нѣсколько дней до смерти у него показались на рукахъ, около плечъ чумные нарывы, называемые карбункулами; онъ никому объ этомъ не сказалъ, только своему деньщику велѣлъ перевязывать ихъ, но тотъ, испугавшись, сказался больнымъ и тѣмъ избѣжалъ заразы; въ послѣдствіи онъ остался живъ. Въ одной палаткѣ съ Лишинымъ жилъ прапорщикъ Саблинъ, не знавшій о болѣзни Лишина и отъ него заразился. Черезъ два дня Саблинъ умеръ, а вскорѣ за нимъ и Лишинъ. Остался одинъ только офицеръ въ полуротѣ, поручикъ Левицкій. Случись это нѣсколькими днями прежде, меня оставили бы въ Праводскомъ лагерѣ.

Время обратиться къ послѣдствіямъ, происшедшимъ отъ побѣды подъ Кулевчей. Когда верховный визирь укрылся въ Шумлѣ съ остатками своей арміи, главнокомандующій, генералъ Дибичъ, съ тремя корпусами нашихъ войскъ, съ принадлежащей къ нимъ кавалеріей и Донскими казачьими полками, расположился подъ Шумлой съ сѣверной ея стороны для наблюденія за Турецкимъ войскомъ, не предпринимая рѣшительныхъ дѣйствій, заслонивъ осажденную нашимъ 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ крѣпость Силистрію, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Красовскаго, такъ что подать помощь этой крѣпости не было никакой возможности Туркамъ, вслѣдствіе чего и сдалась она въ концѣ Іюня. Тогда главнокомандующій рѣшился перейти Балканскія горы. Получивъ чрезъ лазутчиковъ извѣстіе, что войскъ Турецкихъ немного въ Румеліи, онъ сдѣлалъ диспозицію къ движенію. Впервые, въ ночь съ 2-го на 3-е Іюля, 6-й пѣхотный корпусъ снялся съ позиціи, оставивъ палатки свои на мѣстѣ, въ коихъ помѣстились нѣкоторые полки прочихъ корпусовъ, для того чтобы Турки не могли догадаться о движеніи 6-го корпуса. Чрезъ нѣсколь-

ко дней, именно 4-го Іюля, снялся при наступленіи ночи съ позиціи нашъ 7-й корпусъ, оставивъ свои палатки и направился, какъ уже сказано, мимо Праводъ къ рѣкѣ Камчику; а потомъ въ ночь же чрезъ два дня снялся 2-й пѣхотный корпусъ, и весь лагерь былъ снятъ; онъ пошелъ въ слѣдъ за 6-мъ корпусомъ, которому должно было переходить Камчикъ при самомъ почти его устьѣ, при впаденіи въ Черное море. Чтобы удержать гарнизонъ Шумлы въ крѣпости, не допуская отдѣлять значительную его часть на защиту переправы Россійскихъ войскъ чрезъ Камчикъ, генераль Красовскій перешелъ съ своимъ корпусомъ изъ-подъ Силистріи къ Шумлѣ. Турки, замѣтивъ утромъ уходъ съ позиціи нашихъ войскъ, полагали, что они, подобно прошлагоднему, отступаютъ къ Силистріи, почему и сдѣлали сильную вылазку по этому направленію; но въ Енибазарѣ встрѣтили весь 3-й корпусъ съ многочисленною кавалеріею, которая оставлена была и отъ прочихъ войскъ и прикомандирована къ 3-му корпусу. Завязалось дѣло, которое кончилось въ нашу пользу: Турки принуждены были убраться въ Шумлу. Войска подъ начальствомъ генерала Красовскаго остальную часть кампаніи простояли предъ этой крѣпостью, имѣя по временамъ сраженія съ Турками, дѣлавшими вылазки, по большей части кавалерійскія, которыя оканчивались всегда въ нашу пользу. Между тѣмъ 5-го Іюля, при наступленіи ночи, нашъ 7-й корпусъ приблизился къ рѣкѣ Камчику и остановился до утра. Генераль Ридигеръ, принявшій надъ нами начальство, послалъ Вятскій пѣхотный полкъ для опознанія верстъ за 5 къ селенію Киприкѣй, которое было по ту сторону Камчика. Въ эту ночь 6-й пѣхотный корпусъ началъ дѣло съ Турками, укрѣпившимися засѣками и имѣвшими укрѣпленіе, вооруженное пушками, по направленію отъ насъ къ западу, на 20 верстъ ниже по теченію рѣки Камчика. Ночь была лунная, и мы явственно слышали выстрѣлы, раздававшіеся по рѣкѣ и повторяемые эхомъ по лѣсу, находящемуся по обѣимъ сторонамъ ея. На разсвѣтъ Вятскій пѣхотный полкъ подошелъ къ Камчику; но Турки не дозволяли ему переправу, встрѣтивъ частымъ ружейнымъ огнемъ изъ-за засѣкъ съ противоположной стороны рѣки; наши отвѣчали имъ не менѣе частыми выстрѣлами; но какъ неприятель укрывался за засѣками, то уронъ съ нашей стороны былъ значительнѣе, чѣмъ усмотрѣвъ, командиръ полка далъ приказъ отступить въ лѣсъ, который находился вблизи. Съ наступленіемъ утренней зори выдвинута была легкая артиллерія на берегъ Камчика у селенія Чалы-Малы, гдѣ предписана была нашему корпусу переправа черезъ рѣку, и открыла огонь по противолежащимъ засѣкамъ, устроеннымъ Турками за рѣкою. Не долго однакоже они могли держаться противъ артиллеріи и принуждены были бросить засѣки. Между тѣмъ наши пѣхоты начали наводить понтонный мостъ чрезъ Камчикъ. Избранное для этого мѣсто оказалось неудобнымъ, и хотя рѣка въ этомъ мѣстѣ была неширока, но переправленные за нее егеря, вышедъ на противулежащій берегъ, нашли, что это островъ, отдѣлявшійся узкимъ рукавомъ отъ настоящаго берега. Переправа была оставлена, и приискано другое удобнѣйшее мѣсто начальникомъ корпуснаго штаба, княземъ Горчаковымъ. Подъ выстрѣлами нашихъ орудій наведенъ былъ мостъ, однакоже не безъ урона, потому что лѣсистая мѣстность противоположнаго берега закрывала Турецкихъ стрѣлковъ, а они, воспользовавшись этимъ, стрѣляли въ близкомъ разстояніи по нашимъ рабочимъ и многихъ ранили. Когда же мостъ

приблизился къ противоположному берегу, егеря бросились въ воду и, вышедъ на берегъ, прогнали Турецкихъ стрѣлковъ, которые оставили совершенно защиту переправы, бросивъ нѣсколькихъ раненыхъ своихъ, не могшихъ за ними слѣдовать. По наведеніи моста войска, не останавливаясь, того же числа Іюля 7-го, пошли чрезъ него вмѣстѣ съ артиллеріею и двумя удавскими полками, Харьковскимъ и С.-Петербургскимъ. Мы, находившіеся въ карантинѣ, перешли чрезъ понтонный мостъ вслѣдъ за корпусомъ. Дорога шла между частымъ лѣсомъ, вдоль рѣки Камчика, вверхъ по ея теченію. На мѣстѣ, гдѣ были Турецкіе завалы, лежало нѣсколько умирающихъ Турокъ, которыхъ онѣ не успѣли захватить; между ними былъ отходящій старикъ, совершенно раздѣтый, исключая рубашки; сказывали, что это или судья ближайшихъ поселеній, человѣкъ очень богатый и извѣстный. Выбравшись изъ лѣса, вступили мы въ холмистую страну, по коей, не останавливаясь, весь день шли и часть ночи. Замѣтили нѣсколько пылавшихъ деревень, зарево которыхъ разливалось по окрестнымъ горамъ, поросшимъ лѣсомъ. Слышенъ былъ иногда вой собакъ, голоса пѣтуховъ и хлопанье куръ, лишенныхъ пріюта, которыхъ ловили наши деньщики. На другой день нашего похода чрезъ Балканскія горы, подъемы и спуски стали круче и длиннѣе; съ вершинъ видѣлись глубокія долины, поросшія лѣсомъ на большія пространства. Впереди слышны были выстрѣлы нашего авангарда; это было кавалерійское дѣло казаковъ съ Турками, коихъ было около 3-хъ тысячъ въ лагерь, расположенномъ на высотѣ. Лагерь былъ взятъ, много Турокъ побито, остальные бѣжали. Казаки надѣли на себя новыя Турецкія куртки вмѣсто своихъ износившихся и щеголяли другъ передъ другомъ. Вообще всѣ были веселы, потому что шли впередъ безпрепятственно. Турки упали духомъ. На одномъ ночлегѣ вещи мои, лежавшія вмѣстѣ съ вещами бригаднаго адъютанта Аристовъ на моей телѣгѣ, запряженной парой лошадей, едва не должны были мы оставить на волю судьбы, потому что деньщикъ мой, подъ наблюденіемъ коего лошади ночью паслись, крѣпко заснулъ, а онѣ, пользуясь свободой, зашли въ густой лѣсъ. Утромъ стали пригнать лошадей, а наша телѣга осталась, когда прочія пошли. Въ это время пріѣхалъ Аристовъ; мы вмѣстѣ дождались, не найдетъ ли ихъ деньщикъ мой; но онъ возвратился безъ успѣха. Между тѣмъ, оставшись почти одни, мы подвергались быть взяты въ плѣнъ, если бы партія Турокъ наѣхала. Аристовъ однакоже употребилъ послѣднее средство: конвойному казаку далъ червонецъ и послалъ въ лѣсъ для отысканія лошадей; тотъ, замѣтивъ ихъ слѣдъ зоркимъ глазомъ, не выпускалъ его изъ вида и такимъ образомъ чрезъ часъ привелъ ихъ къ намъ. Радость наша была велика. Мы догнали арьергардъ безъ всякихъ приключеній.

На третій день нашего похода достигли мы до самой вершины Балканскихъ горъ въ этомъ мѣстѣ. Ночлегъ нашъ на открытомъ воздухѣ былъ холоденъ. Утромъ на походѣ почувствовалъ я припадокъ лихорадки. Подвигаясь далѣе къ городу Айдосу, лежащему у подошвы Балканъ, не встрѣчалъ нашъ корпусъ сопротивленія до самаго почти города; но верстахъ въ 7-ми надлежало исправить разломанной мостъ, для чего потребовали впередъ піонеровъ. Пока исправляли его, весь корпусъ стянулся къ этому мѣсту. Громкое названіе! 7-й пѣхотный корпусъ состоялъ тогда не болѣе какъ изъ 7 тысячъ. Перешедъ мостъ, кавалерія наша, при коей былъ самъ корпусный ко-

мандиръ, была атакована Турками. Сначала они показались внезапно и бросились стремительно на нашихъ; но нѣсколько выстрѣловъ картечью заставили ихъ, поворотивъ назадъ, укрыться за возвышеніемъ, при чемъ убито нѣкоторое ихъ число казаками и уланами. Близъ города находился валъ и ровъ, въ которомъ засѣли Турки съ насильно взятыми ими Болгарами изъ окрестностей, почти невооруженными. При приближеніи нашей пѣхоты, угрозами заставили они ихъ подняться и дѣлать крестное знаменіе. Офицеры наши, полагая, что христіане одни только находятся во рву, подошли съ переднимъ батальономъ на близкій ружейный выстрѣлъ; тогда Турки внезапно вышли изъ рва и открыли мгновенно сильный ружейный огонь по нашей почти сплошной цѣпи, коимъ многихъ убили или ранили; при томъ, такъ какъ ихъ было до 10 тысячъ, то наши стрѣлки принуждены были отступить. Тогда корпусный командиръ нашъ, собравъ всю пѣхоту, поставилъ артиллерию на пушечный выстрѣлъ отъ Турокъ, а нѣсколькимъ батальонамъ далъ приказъ идти въ обходъ со стороны Балканскихъ горъ, куда слѣдовало Туркамъ отступать, такъ какъ они вышли изъ Шумлы; прямо же противъ нихъ открылъ пушечный огонь и послалъ остальную пѣхоту, которая съ яростью бросилась на Турокъ. Вскорѣ она смѣшала ихъ толпы, обратила въ бѣгство и за ними ворвалась въ Айдосъ, взятый приступомъ и отданный на разграбленіе солдатамъ за оказанное вѣроломство; они поживились тамъ порядкомъ, особливо набрали много кофе, который распродали за безцѣнокъ. Турецкое же войско бѣжало чрезъ Балканскія горы обратно въ Шумлу. Вышедъ изъ карантина, поступилъ я въ лагерь батарейной роты нашей 18-й бригады; здѣсь мы стояли два дня, пока другой корпусъ войскъ приблизился. 6-й корпусъ имѣлъ при переправѣ чрезъ Камчикъ значительное дѣло съ Турками, которые устроили въ томъ мѣстѣ укрѣпленіе, снабженное пушками. Два дня они удерживали наши войска при переправѣ; наконецъ, когда орудія ихъ были сбиты,—отступили. Вслѣдъ за этимъ заняты были приморскіе города: Ахіоло, Меземврія, и часть войскъ направилась на Бургасъ, также приморскій городъ. Снявшись съ позиціи, нашъ корпусъ пошелъ къ городу Карнабату, гдѣ и расположился лагеремъ на 11 дней по 28-е число Іюля. Въ это время занять нашими войсками Бургасъ. Уланская бригада, состоявшая, какъ выше сказано, при нашемъ корпусѣ, послана была къ городу Ямполю для рекогносцировки. Прошедъ около 40 верстъ къ югу, уланы съ 4 орудіями конной артиллеріи, подъ командой генералъ-маіора Шереметева, приблизились къ городу, казавшемуся незанятымъ войскомъ; но когда они перешли чрезъ плотину, возлѣ города находящуюся, Турецкая кавалерія въ числѣ около 8 тысячъ бросилась имъ на встрѣчу; однако храбрые эти полки, не смѣшавшись, дали сильный отпоръ и, отступая, раздавали для дѣйствія нашихъ конныхъ орудій на плотинѣ, которыя производили значительный уронъ Туркамъ. Уланы съ своей стороны, не смотря на малочисленность свою, отчаянно рубились отступая, такъ что отбили охоту у Турокъ ихъ далеко преслѣдовать. Когда тѣ ихъ оставили, генералъ Шереметевъ пошелъ на большихъ рыскахъ и къ вечеру возвратился къ нашему лагерю, потерявъ нѣсколько человекъ уланъ и одного офицера, человека богатаго, котораго тѣло на другой день предали погребенію съ воинскими почестями. Въ продолженіе нашего бездѣйствія лѣчился я отъ лихорадки; по неимѣнію медикаментовъ лѣкарь давалъ мнѣ по нѣскольку приѣмовъ меду въ рюм-

къ уксуса, что останавливало лихорадку на нѣсколько дней; но потомъ она возобновлялась. 28-го Іюля снялись мы съ позиціи и пошли къ г. Ямполю; тамъ не было уже Турокъ, потому вѣроятно, что они боялись быть отрѣзаны отъ Балканскихъ горъ, куда направились и въ значительномъ числѣ собрались въ городъ Сливно, въ коемъ обитали по большей части Болгары. Городъ этотъ находится отъ Ямполя въ 20 верстахъ при самой подошвѣ Балканскихъ горъ, коими окруженъ съ сѣверо-западной стороны. 29-го и 30-го Іюля до полудня отдыхали мы близъ Ямполя и выступили къ городу Сливно. Пришедъ поздно на позицію, нѣсколько часовъ отдохнули и съ разсвѣтомъ двинулись къ городу. Кавалерія наша, казачіе и уланскіе полки съ конноартиллеріею начали дѣло на лѣвомъ нашемъ флангѣ, который Турки дѣлали видъ, что намѣрены обойти. Нѣсколько часовъ продолжалось тамъ сраженіе. Между тѣмъ батарейныя роты подступали съ праваго фланга, при чемъ я съ 4-мя орудіями прикомандированъ былъ къ пѣхотному батальону, который быстрымъ шагомъ наступалъ. Когда приблизились мы на пушечный выстрѣлъ къ Турецкимъ колоннамъ и открыли огонь съ вершины бугровъ, примыкавшихъ къ самымъ почти Балканамъ, Турки бросились бѣжать изъ города на крутизны по горной дорожкѣ, которая находилась подъ нашими выстрѣлами, почему нѣсколько ядеръ, пущенныхъ по тому направленію, ложились на самой дорогѣ, и нѣсколько Турокъ было убито⁸⁾. Скоро бѣгство ихъ сдѣлалось общимъ; а мы, быстро подвигаясь впередъ, вошли въ городъ, гдѣ прошли по многимъ улицамъ. Болгары, которые всѣ остались въ городѣ, вышли къ воротамъ своихъ домовъ и стоя крестились; нѣкоторые выносили въ стеклянныхъ кувшинахъ красное вино своего издѣлія, очень вкусное, и приглашали офицеровъ и солдатъ утолять жажду, которая насъ мучила, потому что было очень жарко. Показавъ свою артиллерію, которая была въ превосходномъ состояніи какъ людьми, такъ и лошадьми, амуниціею и упряжью, вышли мы изъ города на восточную сторону, гдѣ и заняли просторное мѣсто, осѣненное тополями и обильное ключевою водою. Сраженіе при городѣ Сливно было 31-го Іюля, послѣ коего мы отдохнули нѣсколько дней. 4-го Августа двинулись мы по старой дорогѣ къ городу Ямполю, въ который послали меня принимать Турецкіе сухари изъ магазина, находившагося въ этомъ городѣ. Изъ всего корпуса набралось насъ пріемщиковъ болѣе 20 человекъ офицеровъ. Поэтому, дожидаясь очереди, пробылъ я почти весь день въ Ямполѣ и уже догналъ бригаду поздно, стоящую на ночлегѣ. 5-го Августа двинулись мы далѣе по дорогѣ къ Адрианополу. Сухари, которые мы по приказанію приняли, розданы были солдатамъ; но они оказались негодными, потому что даже въ водѣ нельзя было ихъ размочить, притомъ почти всѣ гнилые отъ долговременнаго лежанія въ сыромъ мѣстѣ; солдаты съ досады выбросили ихъ изъ своихъ ранцевъ, а приняты были другіе, Русскіе, взятые на-скоро изъ Праводъ въ походныя фуры. 5-го же числа Августа на дневкѣ 2-й пѣхотный корпусъ, слѣдовавшій за нами, по распоряженію главнокомандующаго, пошелъ впередъ; нашъ же остался въ арьергардѣ. 6-го на дневкѣ стояли мы у рѣчки Тунжи, протекающей къ Адрианополу и близъ этого города впадающей въ рѣку Марицу. 7-го бы-

⁸⁾ Турки ушли въ городъ Казанлыкъ, находящійся въ Балканскихъ горахъ въ 40 верстахъ отъ Сливно. Тамъ выдѣлывается въ большомъ количествѣ розовое масло. Онъ не былъ занятъ нашими войсками.

ли въ походѣ цѣлый день по гористой сначала мѣстности, поросшей мѣстами лѣсомъ; почва была камениста, и случалось орудіямъ переѣзжать по большимъ камнямъ похжимъ на мраморъ, имѣющимъ розовый цвѣтъ. Не отдыхая, шли мы ночью и сбились съ дороги. Простоявъ часа два, пока отыскался проводникъ, выступили назадъ и подошли къ рѣчкѣ Тунжѣ уже на разсвѣтѣ. Усталые бросились мы отдохнуть и заснули какъ убитые. При восхожденіи солнца выстроились мы въ линію; впереди насъ стояли уже два корпуса, 2-й и 6-й, со всею кавалеріею, пришедшіе къ Адріанополю наканунѣ. Мы видѣли вдаль сей городъ съ множествомъ мечетей, коихъ минареты, возвышаясь, оказывали пространство этого многолюднаго города, вмѣщавшаго въ себѣ до 100 т. жителей. Не болѣе получаса дожидались мы начала сраженія, обѣщавшаго быть кровопролитнымъ, какъ увидѣли главнокомандующаго, который проѣхалъ по рядамъ и поздравлялъ войско съ капитуляціей Адріанополя. Жители этого города, почти всѣ вооруженные, принудили Турецкія регулярныя войска, состоявшія изъ новобранцевъ-юношей, сдать городъ, не желая подвергнуться разоренію, ежели бы онъ былъ взятъ приступомъ. Кажется, войско Турецкое было очень этому радо, потому что почти въ одинъ часъ очистили Турки казармы, построенныя за городомъ, въ которыя мы того же дня вступили и размѣстились просторно. Только нашъ 7-й корпусъ въ нихъ помѣстился; 2-й же корпусъ отправленъ былъ по дорогѣ къ Константинополю и дошелъ до половины разстоянія его отъ Адріанополя въ Люле-Бургасъ и въ окрестностяхъ его остановился; 6-й слѣдовалъ за нимъ.

Въ это время начались переговоры о мирѣ при посредничествѣ Англіи и Франціи. Въ Константинополѣ, какъ было слышно, при приближеніи нашихъ войскъ началась большая тревога. Турецкая казна и султанскія сокровища частію отправлены были на Англійскіе военные корабли, пришедшіе чрезъ Дарданелы въ Константинопольскій портъ. Султанъ Махмудъ, принужденъ былъ вступить въ мирные переговоры, потому что войско его, котораго оставалось около Константинополя очень немного, было обезкуражено; а жители, подобно Адріанонольскимъ, не желали быть разоренными при взятіи приступомъ города, ежели бы это могло случиться. Съ нашей же стороны нельзя было съ увѣренностью идти къ Константинополю, потому что всѣхъ войскъ въ Адріанополѣ и около онаго въ трехъ корпусахъ, 2-мъ, 6-мъ и 7-мъ, оставалось не болѣе 30-ти т., остальные были на этапахъ сзади, охраняя путь сообщенія чрезъ Балканы. Въ это же время Албанцы, подъ начальствомъ недовольнаго султаномъ паши, въ числѣ около 20 т. подошли къ Адріанополю, остановившись отъ него верстахъ въ 20-ти. Паша этотъ объявилъ, что онъ не имѣетъ намѣренія сражаться съ Русскими, а желаетъ идти къ Константинополю для требованія отъ султана льготъ своей области. Однакоже посланъ былъ изъ Адріанополя нашъ отрядъ для охраненія города противъ Албанцевъ съ этой стороны; наша же рота осталась въ казармахъ. Нерѣдко бывалъ я въ Адріанополѣ, отстоявшемъ въ полуверстѣ отъ казармъ, съ товарищами. Мы осматривали тамъ замѣчательное, именно: мечеть султана Селима Второго, которая построена при немъ почти въ срединѣ города; она обнесена каменной оградой, во внутренности коей находится обширный дворъ, устланый плитамъ; посреди его прямо предъ мечетью устроенъ огромный фонтанъ съ изобильною водою. Водоемъ, какъ вообще въ Турецкихъ фонтанахъ, на

ходится возвышеннымъ посрединѣ. По верхнимъ краямъ его сдѣланы отверстія; когда онъ переполнится, изливаетъ воду въ каменные колоды, откуда и берутъ ее или поятъ лошадей и прочую домашнюю скотину, подводя къ фонтану. Этотъ же фонтанъ по обширности и обстановкѣ очень замѣчателенъ ⁹⁾. Мы почерпнули воды и съ удовольствіемъ ее пили: по чистотѣ и прозрачности не видали лучшей. Спросивъ у Турка, стоявшаго у входа въ мечеть, можно ли ее видѣть, мы получили утвердительный отвѣтъ. Взошедъ, мы видѣли только обширную, круглую комнату со сводомъ, освѣщенную сверху; по стѣнамъ около всего этого круга висѣли стеклянные язычки разнаго цвѣта, формою какъ бываетъ у люстръ. Противъ входа, на возвышеніи, нарисованъ былъ вензель султана Селима II (каждый султанъ имѣетъ свой вензель), замысловато очерченный золотымъ почеркомъ; подлѣ него была каеэдра, съ которой духовное Турецкое лицо читаетъ Коранъ; болѣе же никакихъ украшеній не было. Замѣчателенъ также Адрианопольскій гостинный дворъ, называемый базаръ; онъ находится подъ однимъ огромнымъ каменнымъ сводомъ, съ обѣихъ сторонъ запираемымъ на ночь желѣзными воротами, и еще съ боковыми воротами. Съ обѣихъ сторонъ этого базара расположены лавки; тутъ собраны всѣ издѣлія Востока и привозные товары Запада. Освѣщеніе этого строенія падаетъ изъ небольшихъ оконъ, очень рѣдкихъ, почему въ лавкахъ темно. Снаружи около стѣнъ работаютъ разнаго рода ремесленники, на открытомъ воздухѣ, съ утра до вечера, при нестерпимомъ жарѣ. На каждой улицѣ нѣсколько кафе, въ которыхъ во всякое время можно видѣть сидящихъ съ поджатыми ногами Турокъ, курящихъ безмолвно трубки; между ними нерѣдко встрѣтитъ можно говорящихъ порядочно порусски, бывшихъ въ плѣну въ Россіи; есть даже чисто-русскіе по выговору, но отрицающіе свое происхожденіе. Нѣсколько дней насъ развлекала особенность Турецкихъ нравовъ. Каждому изъ насъ также необходимо было возобновить кое-что изъ одежды и обуви, много пострадавшихъ; другіе же, имѣя довольно золота, покупали Турецкія сѣдла, браны уздечки, мундштуки къ трубкамъ, кальяны и прочія бездѣлушки. Что касается до меня, я чувствовалъ какое-то пученіе въ животѣ. Употребляя немного вина, пилъ я въ жаръ воду изъ фонтановъ, которые были на дворѣ казармъ, по угламъ четырехугольнаго строенія. Одинъ изъ нихъ оказался испорченнымъ при осмотрѣ; по простествіи уже около двухъ недѣль по вступленіи нашемъ въ казармы, оттуда извлекли разныя ядовитыя вещества, много мыла, падали и тому подобнаго. Тогда никто уже не сталъ пить воды и употребляли вино; но вредное дѣйствіе на мой желудокъ осталось надолго, даже до возвращенія въ Россію. При наступленіи ясной осени, въ концѣ Августа, жары усилились, а ночи сдѣлались холодны. Внезапный этотъ переходъ отъ жара къ холоду и обратно оказался вреднымъ для здоровья; много стало больныхъ и умирающихъ. Одинъ часъ казармъ очищенъ былъ для госпиталя, наполненнаго трудно-больными, которые поступали изъ командъ и присылались изъ другихъ корпусовъ, не имѣвшихъ столь удобнаго помѣщенія. Каждый день по нѣскольку разъ слышалась похоронная музыка при погребеніи офице-

⁹⁾ Онъ весь мраморный, какъ помость, такъ и самый фонтанъ, изъ коего въ отверстія вода течетъ въ мраморные же водоемы, устроенные вокругъ; всѣ изъ бѣлаго мрамора.

ровъ. Наконецъ, чтобы не навести унынія и на прочихъ, приказано было перестать хоронить съ музыкой. Служба наша была въ это время довольно легка; изрѣдка доставалось стоять ночью въ караулѣ съ двумя орудіями при пѣхотной ротѣ, у моста чрезъ рѣку Тунжу, оберегаемаго отъ нечаяннаго нападенія на Ески-Сераль, въ которомъ помѣщался главнокомандующій нашъ, фельдмаршалъ баронъ Дибичъ-Забалканскій. Огромное это строеніе обтекаетъ рѣка Тунжа; только чрезъ одинъ мостъ можно въ него проникнуть. Оно окружено садами и служило нѣкогда убѣжищемъ и пріятнымъ проведеніемъ времени вышедшимъ изъ фавѣра султанскимъ одалискамъ. При султанѣ Махмудѣ стояло оно пусто, потому что онъ такихъ женщинъ увольнялъ къ родственникамъ, не оставляя подѣ присмотрѣть.

Въ началѣ Сентября командированъ я былъ для занятія зимнихъ квартиръ, сначала въ Сливно, а потомъ въ Ямполь. Съ половины Августа въ Адрианополь собрались уполномоченные отъ Россіи и Турціи для заключенія мира при посредничествѣ Англійскаго и Французскаго пословъ при Оттоманской Портѣ. Переговоры эти происходили почти ежедневно до Сентября. Въ началѣ этого мѣсяца подписаны были условія мира и посланы на конфирмацію въ Петербургъ и Константинополь. Квартиргеры, въ числѣ которыхъ и я находился, отъ полковъ нашего корпуса, оставленнаго для зимовки за Балканами, собрались вмѣстѣ и, составивъ небольшія команды, отправились изъ Адрианополя. Турки смотрѣли на насъ уже не такъ какъ на враговъ, почему мы безопасно располагались на дневкахъ и ночлегахъ. Пришедъ въ Сливно, остановился я на отведенной мнѣ квартирѣ и вмѣстѣ съ фейерверкерами и солдатами своей команды сталъ осматривать квартиры для командира, офицеровъ и прочаго штаба. Городъ былъ построенъ порядочно; квартиры скоро отыскались. Болгары смотрѣли на насъ уже не такъ ласково, потому что между ними ходили слухи, что городъ ихъ остается въ Турецкомъ владѣніи; а они всѣ были увѣрены, что останутся за Россіей. На рынкахъ, въ торговые дни, многолюдство было большое, такъ что мнѣ не случалось такого видѣть въ Россіи. Женщины Болгарскія ходили съ открытыми лицами; Турчанки-же, оставшіяся въ Сливно, впрочемъ въ маломъ числѣ, завѣшивались покрывалами, какъ обыкновенно по своему обычаю, только оставляя открытыми глаза. Не болѣе недѣли прожили мы въ Сливно. Внезапно получилъ я предписаніе отправиться въ городъ Ямполь, гдѣ окончательно назначено было зимовать нашей бригадѣ. Въ самый этотъ день случился со мной сильный лихорадочный пароксизмъ, который начался, какъ обыкновенно въ мѣстныхъ лихорадкахъ того края, ознобомъ довольно умѣреннымъ, потомъ сильнымъ жаромъ, продолжающимся очень долго съ обильнымъ потомъ. Чрезвычайно изнуряющимъ силы. На другой день пароксизма не было, и я съ квартиргерями перешелъ въ Ямполь, отстоящій отъ Сливно въ 20 верстахъ. Мы ѣхали сначала огромными виноградниками, на коихъ кисти спѣли уже и представляли особенно пріятный видъ. Всѣ эти сады принадлежали Болгарамъ и доставляли своимъ хозяевамъ хорошій доходъ. Приѣхавъ на новоселье въ г. Ямполь, почувствовалъ я сильный голодъ и желаніе пить молоко, почему и велѣлъ Александру Ермолаеву достать его. Онъ скоро возвратился съ большою стеклянкой, которую я всю за одинъ разъ выпилъ. Чрезъ нѣсколько часовъ со мною случился пароксизмъ лихорадки, продолжался почти сутки и такъ меня ослабилъ, что я едва могъ стоять на но-

гахъ. На другой день пароксизма не было, но чувствовалъ я сильный голодъ и желаніе ѣсть говядину, почему и велѣлъ Александру сварить лѣвивыя щи. Едва могъ я ихъ дожидаться и съ такимъ аппетитомъ ѣлъ, что почитаю теперь это болѣзнію, называемою собачьимъ голодомъ. Съѣвши много мяса, почувствовалъ я отягощеніе въ желудкѣ, и вскорѣ начался опять сильный пароксизмъ. Съ недѣлю лихорадка чрезъ день меня посѣщала; я исхудалъ невѣроятно и сильно ослабѣлъ. Наконецъ посѣтилъ меня поручикъ Войничъ, который также присланъ былъ занимать квартиры въ Ямполь для 3-й легкой роты нашей бригады. Онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ медицинѣ и перемѣнить квартиру, что я и исполнилъ. Квартиръ было много въ Ямполь, оставленныхъ хозяевами Турками, которые составляли болѣе число жителей и съ семействами ушли при наступленіи нашихъ войскъ. Я выбралъ очень хорошую комнату съ большими сѣнями; домъ былъ построенъ на дворѣ, какъ обыкновенно въ Турціи; передъ нимъ былъ палисадникъ, въ коемъ посажены были мирты. Вскорѣ посовѣтовался я съ однимъ медикомъ, который, за немѣніемъ хинной соли, прописалъ мнѣ какую-то микстуру. Долго я ее принималъ, но она не прекращала лихорадки, а я становился день ото дня слабѣе и очень похудѣлъ. На моей отвѣтственности была фуражировка сѣна для заготовленія его на зиму; но какъ я по болѣзни не могъ лично ѣздить на фуражировку, то и посылалъ старшаго фейерверкера съ командой, который и привозилъ сѣно. Вскорѣ однакоже онъ сталъ жаловаться, что у него отбиваютъ присланное имъ сѣно и часто по приѣздѣ не находилъ уже его. Офицеры всѣхъ полковъ лично ѣздили фуражировать и, узнавъ, что для батарейной роты нашей фуражируетъ фейерверкеръ, не обращали вниманія на право, а брали себѣ для своихъ лошадей. Скоро не стало уже сѣна около Ямполь верстахъ въ 20-ти или 25-ти. Отправились верстъ за 35 или 40. Къ прискорбію моему я сталъ еще слабѣе прежняго, слѣдовательно не могъ поспѣть горю. Поручикъ Войничъ, отъѣзжая умѣвши какъ бы по чутью отыскивать Турецкое сѣно, иногда помогалъ моей командѣ; но такъ какъ ему самому нужно было сѣно для своей роты, для коей онъ фуражировалъ, то эта помощь подавалась имъ изрѣдка.—Между тѣмъ въ Адрианополь переговоры приходили къ окончанію; ожидаемая ратификація получена. Приготовленъ былъ огромный фейерверкъ, который и сожженъ при многочисленномъ стеченіи Турокъ всѣхъ состояній. Войска наши пошли на зимовыя квартиры: 2-й корпусъ въ Россію, а 6-й въ Бургасъ и въ окрестности его, гдѣ помѣстилась главная квартира. Главнокомандующій фельдмаршалъ Дибичъ получилъ графское достоинство и миллионъ рублей ассигнаціями. Нашъ 7-й корпусъ расположился на зиму въ Ямполь и Сливно съ окрестностями. Батарейная рота нашей бригады выступила изъ Адрианополя въ концѣ Октября. По глубокой грязи двигалась она по 8 и по 12 верстъ въ сутки и пришла въ Ямполь въ Ноябрь. Турки, оставшіеся въ Ямполь, говорили, что зима необыкновенно холодна. Нѣсколько разъ выпадалъ снѣгъ; но чрезъ два дня, а иногда и ранѣе растаявалъ. Въ началѣ Генваря рѣка Тунжа, таже что и въ Адрианополь, покрылась льдомъ дней на 5, чего не случалось уже нѣскольکو десятковъ лѣтъ, почему жители вѣрили, что мы принесли съ собою холодъ. Послѣ выступленія войскъ изъ Адрианополя, тамъ остались два егерскіе полка съ нѣсколькими орудіями и главный госпиталь. По счастью во время пребыванія войскъ не обнаруживалась

еще чумная зараза; но по выступленіи ихъ въ скоромъ времени оказалась въ госпиталѣ, гдѣ начала дѣйствовать съ большою силой. Она продолжалась во всю зиму и похитила много людей. Главный докторъ Аммонъ, который былъ прежде дивизіоннымъ докторомъ нашей 18-й дивизіи, заразился чумой и умеръ.

Начало 1830 года проводили мы на зимовыхъ квартирахъ. Въ городѣ Ямполѣ остались только такіе жители изъ Турокъ, которые не имѣли средствъ выѣхать, по большой части старики; часто выдали мы ихъ изнеможенныхъ, просившихъ милостыню по крайней необходимости. и помогали; даже собирали по червонцу съ офицеровъ, находившихся въ Ямполѣ и отдали въ комитетъ, который устроили Турки для своихъ бѣдныхъ. Изъ знакомыхъ намъ Турокъ только двое бывали у насъ: одинъ назывался Гусейнъ, человекъ лѣтъ 35-ти, очень добросердечный, который хлопоталъ, чтобы ему возвратили кожи, ему принадлежащія и по праву войны поступившія въ казенную собственность; другой же былъ Курдъ, человекъ лѣтъ 50-ти, хитрый и насмѣшливый, проживавшій по своимъ дѣламъ въ Ямполѣ и, по видимому, не имѣвшій ни въ чемъ нужды. По вечерамъ мы часто собирались вмѣстѣ, гдѣ проводили время часовъ до 12; кому приходилось идти домой, тотъ зажигалъ свой фонарь и такъ пробирался. Одному опасно было ходить не только ночью, но даже днемъ по множеству собакъ, которые бѣгали стаями и нападали на людей.

Въ первыхъ числахъ Мая выступили мы къ крѣпости Силистріи, которая занята была нашимъ гарнизономъ съ прошлаго лѣта. Обратный походъ нашъ къ границѣ происходилъ благополучно. Передъ нами въ Апрѣлѣ отправилось изъ-за Балканъ по тому же направленію нѣсколько десятковъ тысячъ Болгарскихъ семействъ, которые представляли необыкновенное зрѣлище. У всякаго семейства была своя арба или каруца, запряженная двумя буйволами или быками, на коей помѣщались всѣ отъ дряхлаго старика до грудныхъ младенцевъ. Здоровые члены семейства шли пѣшіе около воза, а дряхлые и малолѣтніе сидѣли на семейномъ скарбѣ, довольно большомъ и укрытомъ кожами. На днѣвкахъ они обыкновенно останавливались возлѣ рѣчки или ключа, гдѣ женщины мыли бѣлье и его сушили.

Такимъ образомъ перешли мы Балканы и вступили въ опустошенную Болгарію. Черезъ Камчикъ перешли ближе къ морю чѣмъ прежде, на томъ мѣстѣ, гдѣ 6-й корпусъ прошлаго 1829 года имѣлъ дѣло съ Турками; потомъ прошли то поле, гдѣ въ 1828 году была битва нашего отряда, высланнаго изъ Варны, съ визиремъ Омеръ-Врионе. Видѣли памятники, поставленный въ память убитаго генерала Дурнова и прочихъ убитыхъ офицеровъ; онъ имѣлъ видъ пирамиды, исписанной именами и фамиліями убитыхъ офицеровъ. Оттуда направились мы на Силистрію, куда и прибыли 15-го Мая. Расположились въ лагерѣ на берегу Дуная выше Силистріи, въ верстѣ съ небольшимъ отъ города. Тутъ я поступилъ опять во 2-ю легкую роту 18-й бригады, въ коей числился, потому что обѣ полуроты опять сошлись. Командиромъ роты назначенъ былъ капитанъ Березинъ; но уже нельзя было почти узнать этой роты: всѣ почти солдаты въ ней оказались мнѣ незнакомы; прежнихъ не было на свѣтѣ, исключая малаго только числа. Ровно годъ какъ выступили мы изъ Базарджика; на другой день открылась тамъ въ 1829 году чума, которая сразила лучшихъ людей и между ними фельдфебеля, отличнаго человека. Цѣлый годъ наша полурота, подъ начальствомъ штабсъ-капи-

тана Жиленкова, находилась при Казанскомъ пѣхотномъ полку, въ которомъ чума сильно свирѣпствовала. Нѣсколько разъ пополняли его рекрутами. Наконецъ зимою, въ началѣ 1830 года, она ослабѣла и скоро совсѣмъ прекратилась. Другая же полурота, оставшаяся въ Праводскомъ лагерѣ въ Юлѣ 1829 года, потерпѣла отъ чумы столько же, если не болѣе. Командовавшій ею поручикъ Левицкій остался живъ; но люди почти всѣ померли отъ чумы, такъ что наконецъ некому было водить лошадей на водопой, и ихъ гоняли гономъ. Въ такомъ положеніи они пробыли до осени, а зимою стояли въ Балканяхъ, гдѣ чума прекратилась; съ наступленіемъ же весны 1830 года пришли къ Силистріи, гдѣ и поджидали насъ въ лагерѣ. Свиданіе наше было радостное. Насъ осталось прежнихъ только трое: Жиленковъ, Левицкій и я; а столько же: подполковникъ Раевскій, штабсъ-капитанъ Лишинъ и прапорщикъ Саблинъ, померли. Въ лагерѣ подъ Силистріей мы отдыхали, проводили время довольно весело; продовольствіе получали изъ города, гдѣ были торги и привозъ съѣстныхъ припасовъ изъ-за Дуная, изъ Валахій и изъ Болгарскихъ селеній. Въ половинѣ Іюня пріѣзжалъ генералъ Ротъ смотрѣть нашу дивизію, такъ какъ онъ остался главнымъ начальникомъ Задунайскихъ войскъ. Фельдмаршалъ же Дибичъ уѣхалъ въ Россію; прощаясь со своими сослуживцами, генералами и полковыми командирами, онъ былъ очень веселъ, благодарилъ ихъ за службу, при чемъ сказалъ, что онъ всей дѣйствующей въ Европейской Турціи арміи обязанъ своимъ счастьемъ и тоже подтвердилъ приказомъ по арміи. Счастіе однакоже оставило его по пріѣздѣ въ Россію. Онъ сибинилъ встрѣтить свою жену, которая выѣхала къ нему на встрѣчу; но она чрезъ нѣсколько дней умерла.

Генералъ Ротъ, осмотрѣвъ нашу дивизію, поздравилъ насъ, что мы остаемся на два года подъ Силистріей, для чего и велѣлъ строить бараки. Мы очень пріуныли отъ этого распоряженія: всѣмъ хотѣлось возвратиться въ свои предѣлы. Притомъ мѣстности, нами занимаемая, для здоровья была вредна; частые и сильные вѣтры не дозволяли выходить изъ палатокъ; вслѣдствіе этого я получилъ острый ревматизмъ въ ногѣ, нижеколѣна, который сильно меня беспокоилъ. Вскорѣ однакоже пришелъ приказъ оставить построеніе баракъ и перейти подъ городъ Бабадагъ, который находился верстахъ въ 40 отъ Дуная. Перешедши на новое лагерное мѣсто, отличающееся чистымъ воздухомъ, при сухой погодѣ, болѣзни уменьшились. Бригадный нашъ штабсъ-лѣкарь, Шрейберъ, посоветовалъ мнѣ отъ ревматизма съѣздить къ открытой въ 1828 году нашими медиками сѣрной минеральной водѣ близъ городка Мангаліи, которая находилась въ провалѣ, въ верстѣ отъ Чернаго моря. Поручикъ Войничъ получилъ ревматизмъ въ головѣ и даже оглохъ, почему и ему также нужно было лѣчиться. Овъ присоединился ко мнѣ, и мы, взявъ съ собою Александра Ермолаева, отправились. Переѣздъ этотъ совершили благополучно; но пріѣхавъ въ Мангалію, мы не могли отыскать хлѣба, исключая какихъ-то сухихъ опрѣсннковъ, которые можно было ѣсть только въ сильный голодъ. Къ счастью нашему, около Мангаліи и не болѣе какъ въ верстѣ стояла лагеремъ егерская рота. Войничъ отправился къ капитану и, узнавъ въ немъ своего знакомаго, выговорилъ, чтобы намъ давали чернаго хлѣба (который пекли для солдатъ) пока мы будемъ пользоваться водами. Каждый день ходилъ я изъ палатки, въ которой мы расположились на пригоркѣ близъ зем-

лянокъ егерской роты, купаться въ минеральной водѣ. Для этого должно было спускаться въ глубокий провалъ по лѣстницѣ. На днѣ провала былъ довольно большой резервуаръ очень холодной сѣрной воды, чрезвычайно прозрачной. Глубина резервуара по среднѣ была неизслѣдована. Длинные шесты, коими хотѣли достать до дна, оказались коротки. Поспѣвъ около берега минутъ 15, я возвращался въ палатку, гдѣ отдыхалъ съ часъ; въ это время на больной ногѣ, гдѣ былъ ревматизмъ, проявлялся сильный потъ, и съ каждымъ разомъ болѣзнь облегчалась. Не такъ было съ моимъ товарищемъ, имѣвшимъ ревматизмъ въ головѣ. Онъ оглохъ и не чувствовалъ облегченія. По прошествіи двухъ недѣль, ревматизмъ, бывшій въ колѣнѣхъ ногъ моей, прошелъ совершенно, и мы возвратились въ лагерь при Бабадагѣ въ началѣ Августа. Къ этому времени внесена была Турецкимъ правительствомъ часть контрибуціи, слѣдовавшая къ полученію на основаніи мирнаго Адрианопольскаго трактата, въ числѣ тайныхъ статей онаго. Поэтому нашу бригаду и 4 пѣхотные полка нашей дивизіи назначили на зимовку въ Бессарабскую область, а оставлена была только егерская бригада въ Силистріи до уплаты остальной части контрибуціи. Въ Сентябрь 1830 года посланъ былъ я для занятія квартиръ для 2-й легкой роты. Пѣхотные полки, отъ значительной убыли, были не сильнѣе какъ по 400 человекъ или около въ каждомъ. Артиллерія же была укомплектована, частью изъ пѣхоты и изъ рекрутъ. Въ карантинѣ смертность значительно усилилась отъ истощенія людей и разныхъ болѣзней. Начальникъ корпуса, генералъ Ротъ, разсердившись на медиковъ за то, что смертность не уменьшается и полагая оказать помощь истощеннымъ, приказалъ скупить около карантина гусей, утокъ и другую живность для того, чтобы выдавать ее истощеннымъ людямъ въ пищу; но это нисколько не помогло; напротивъ, отъ отягощенія желудковъ, и безъ того слабыхъ, смертность значительно усилилась.

Приложеніе къ стр. 418-й.

Воспоминаніе 1849 года.

Русскія войска, предводимыя своимъ маститымъ полководцемъ фельд-маршаломъ княземъ Варшавскимъ, двигались на помощь нашей старой союзницѣ-сосѣдкѣ для укрощенія развѣдавашаго ее мятежа доблестныхъ Венгерскихъ магнатовъ. Путь лежалъ черезъ Галицію. И вотъ, только что мы переступили границу, на одной изъ первыхъ дневокъ, главная квартира остановилась въ одномъ мѣстечкѣ (не запомню его прозванія), надъ которымъ высился роскошный замокъ владѣльца, графа Залускаго.

Не успѣли мы стать на привалъ, какъ внезапно разнесся слухъ, что, по приказанію фельдмаршала, графъ Залускій арестованъ и отправленъ подъ конвоемъ въ Варшаву. Чтò? какъ? зачѣмъ? встрепнулись всѣ. Пошли догадки, разспросы. И отъ очевидцевъ приключившагося событія, и отъ современниковъ Турецкой кампаніи 1828—29 годовъ и Польской кампаніи 1831 года (а ихъ тогда еще было немало въ штабъ главнокомандующаго), наконецъ, удалось узнать обстоятель-

ства, немедленно разъяснившія сдѣланное фельдмаршаломъ распоряженіе.

Обстоятельства были слѣдующія:

Въ 1828 году, во время осады Варны, въ свѣтъ Государя состоялъ между прочими флигель-адъютантъ полковникъ графъ Залускій. Въ одинъ изъ дней осады потребовалось послать отрядъ на рекогносцировку или въ подкрѣпленіе, и отрядъ этотъ, сформированный немедленно изъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, одного баталіона Финляндцевъ и уланскаго дивизіона при 4 орудіяхъ, было поручено вести въ дѣло флигель-адъютанту графу Залускому.

Графъ Залускій, оставшись самъ съ уланами и артиллеріей на мѣстѣ, двинулъ лейбъ-егерей къ мѣстечку Гаджи-Гасанъ-Лару, гдѣ, какъ извѣстно, они наткнулись на сильную засаду вчетверо сильнѣйшаго непріятеля, и большая часть изъ нихъ была перебита и перерѣзана, въ томъ числѣ и самъ командиръ полка. По взятіи Варны, современники еще помнили эту злополучную мѣстность, гдѣ нашли груды обезглавленныхъ труповъ.

Не упомяну, что стало съ Залускимъ послѣ дѣла подъ Гаджи-Гасанъ-Ларомъ, но два года спустя *бывшій флигель-адъютантъ и полковникъ Русской службы* очутился однимъ изъ рьяныхъ предводителей Польскихъ легіоновъ и однажды, въ припадкѣ патріотическаго воодушевленія, публично заявилъ о своихъ правахъ на довѣренность своихъ согражданъ: *прива эти, какъ онъ объяснялъ, стяжалъ онъ среди самой службы своей презрѣнному Москвитю, зимавъ, подъ Варной, въ зазѣдѣ имъ устроенную засаду цѣлый гвардейскій полкъ, отъ котораго не уцѣлѣло ни одного человѣка!* Надъ героемъ-патріотомъ наряженъ былъ у насъ судъ, и онъ заочно былъ присужденъ къ смертной казни.

Но кампанія кончилась; войска Польскія, оттѣсненныя къ Прусской границѣ, были обезоружены и разбрелись по Западу, а графъ Залускій вскорѣ вернулся въ свое Галиційское помѣстье, и тутъ-то (чрезъ много лѣтъ) его застало неожиданное посѣщеніе...

Слухи объ арестѣ и препровожденіи измѣнника въ Варшаву внезапно разнеслись въ одно прекрасное утро по городу; но вмѣстѣ извѣстіе это долетѣло и до Вѣны. Нарушеніе международнаго права, злоупотребленіе грубой силы, чего-чего не прогремѣло тогда въ Вѣнѣ! Выпрямился посольскій графъ Буоль, прискакалъ изъ Вѣны самъ князь Шварценбергъ; словомъ, дѣло, казалось, было ближе къ стычку съ самими друзьями Австрійцами, чѣмъ съ мятежниками Мадыярами.

Все однакоже уладилось. Графу Залускому въ крѣпости Иванъ-городъ была прочтена сентенція военнаго суда, произведенъ надъ нимъ обрядъ разжалованья, а затѣмъ онъ былъ отвезенъ подъ конвоемъ на границу, гдѣ ему возвратили свободу вернуться въ свое помѣстье.

Тѣмъ и кончился припоминаемый нами эпизодъ, которому эпиграфомъ можно бы поставить: «чего на свѣтѣ не бываетъ!»

В. N.

(Московскія Вѣдомости 1877, № 252).